

Мифы «устойчивого развития»*

Глобальное потепление или «ползучий»
глобальный переворот?

Владимир Павленко

Фонды и мозговые тресты

П риведенная модель системы глобального управления, в основу которой положены принципы регионализма и «Глобальное партнерство в целях развития тысячелетия», предусматривает ведущую роль «частных и независимых групп» – глобальной олигархии, прежде всего ангlosаксонской. К интересам именно этих «групп» предлагалось адаптировать не только правительства, но и межправительственные институты самой ООН. Рассматриваемые документы помогут назвать основных «людей и организаций», принадлежащие к «частным и независимым

группам» если не поименно, то близко к этому, а также подтвердить сформулированные выше цели и принципы их работы, выявив наиболее вероятный вектор дальнейшего расширения активности¹.

Из появившегося в 1995 г. доклада тесно связанной с ООН и Социалистическим интернационалом (Социнтерном) Комиссии по глобальному управлению и сотрудничеству «Наше глобальное соседство» («НГС»): «Мы внесли множество рекомендаций, ряд из которых имеет далеко идущие последствия. ...Наши рекомендации не являются единственными... Немало но-

ПАВЛЕНКО Владимир Борисович – доктор политических наук. E-mail: ako-pm@mail.ru

Ключевые слова: «Устойчивое развитие», глобальное управление, Совет Безопасности ООН, Совет экономической безопасности, документы ООН, Европейский союз, НАТО, Комиссия ООН по миростроительству, глобальная безопасность, «новый консенсус».

* Продолжение. Начало см. “Обозреватель–Observer”. 2010. №№ 9, 10, 11, 12.

вых идей было выдвинуто Генеральным секретарем в его «Программе мира» и последовавшей за ней «Программе развития»; четко сформулировал предложения по совершенствованию глобального потенциала **превентивной дипломатии** ...министр иностранных дел Австралии Гарет Эванс в работе «Сотрудничество ради мира»; всеобъемлющее исследование ...«Обновление системы ООН» подготовили Эрскин Чайлдерс и Брайан Уркварт.

Идет работа и над важными докладами: один готовится под эгидой **Фонда Форда** и посвящен деятельности ООН во втором полувеке ее существования, второй – **Комиссией Карнеги**, и касается проблемы **предотвращения острых конфликтов...**

На заключительной стадии процесс реформ должен выйти на высокий межправительственный уровень и привести к политическому закреплению **нового мирового порядка...**

Особая ответственность лежит на **неправительственном секторе**. Если наши рекомендации и рекомендации, поступающие из других источников, заслуживают поддержки, то **международное гражданское общество должно убедить правительства заняться их серьезным изучением**. ...Правительства можно побудить начать процесс реформ, если потребуют народы»² (курс. – Авт.).

Из Препроводительного письма Председателя Группы высокого уровня по угрозам, вызовам и переменам А. Паньярачунна на имя Генерального секретаря ООН к подготовленному этой группой докладу «Более безопасный мир: наша общая ответственность» (2004 г.): «В ходе наших обсуждений мы использовали самые различные источники, включая правительства, экспертов из академических кругов и организации гражданского общества... Нам предоставили щедрые финансовые взносы правительства следующих стран: Австралия, Австрия, Бельгия, Бразилия, Греция, Дания, Иордания, Ирландия, Испания, Италия, **Казахстан**, Канада, Китай, Маврикий, Нидерланды, Новая Зеландия, Норвегия,

Португалия, **Российская Федерация**, Сингапур, Соединенное Королевство..., Таиланд, Турция, Франция, Швейцария, Швеция, Южная Африка и Япония. Финансовые взносы и взносы натурой предоставили также следующие фонды и «мозговые тресты»: нью-йоркская **«Карнеги корпорейшн»**, **Фонд Форда**, Международная академия мира, **Фонд Джона Д. и Кэтрин Т. Макартур**, Центр международного сотрудничества Нью-Йоркского университета, **Фонд братьев Рокфеллеров**, **Фонд Рокфеллера**, Центр по проблемам международной безопасности и сотрудничества Стэнфордского университета, **Фонд Стэнли**, Фонд ООН и **Фонд Уильяма и Флоры Хьюлетт**³ (курс. – Авт.).

Во-первых, обратим внимание, что ООН последовательно выполняет установку доклада «НГС» на адаптацию или, точнее, на фактическую легализацию в системе глобального управления различных транснациональных корпораций (ТНК). Большинство ТНК контролируются глобальной олигархией и являются составными частями крупных корпоративных «империй». Однако их хозяева предпочитают участвовать в публичной политике в качестве не бизнесменов, а глав «фондов и мозговых трестов», спонсирующих научную деятельность и жертвующих на благотворительность. Для укрепления прямых связей с ООН самих ТНК с июля 2000 г. открыт к подписанию Глобальный договор, который упоминался нами в связи с комплексом мероприятий, посвященных Саммиту тысячелетия.

Заметим, что, в отличие от предыдущих документов ООН, в докладе «Более безопасный мир...» уже не говорится о связке частного бизнеса с гражданским обществом. Последнему вообще явно отводится не заглавная, как прежде, а сугубо функциональная роль; в частности, гражданское общество не возводится в статус «глобаль-

ного», что косвенно подтверждает конъюнктурно-демагогический характер лозунга «Мы, народы...», который, тем не менее, по-прежнему остается в неприкосновенности.

Во-вторых, в докладе прямо признается, что конечной целью является формирование «Нового мирового порядка», которое достигается путем вывода этой работы на «межправительственный уровень». Иначе говоря, становится ясно, что осуществляющее с 2000 г. разделение глобального экономического и глобального политического управления – это не экспромт, а один из этапов реализации предусматривавшего это «глобального плана».

Соответствующие разработки «академических кругов», «фондов и мозговых трестов» четко коррелируются с деятельностью ООН и ее институтов.

Так, помимо названных инициатив генсека ООН, с которыми увязывались разработки Г.Эванса, Э.Чайлдерса и Б.Урквата, а также фондов Форда и Карнеги, в 1992–2005 гг. появился целый ряд ООН-овских докладов, последовательно развивавших идеи комплексного управления глобальным «устойчивым развитием»:

– доклад Генерального секретаря ООН «Превентивная дипломатия, миротворчество и поддержание мира» от 2 июля 1992 г. (документ ООН A/47/277);

– доклад Генерального секретаря ООН «Развитие и международное экономическое сотрудничество» от 6 мая 1994 г. (документ ООН A/48/935);

– доклад Группы по операциям ООН в пользу мира от 21 августа 2000 г. (документ ООН A/55/305);

– доклад Генерального секретаря ООН «Осуществление Декларации тысячелетия ООН» от 2 сентября 2003 г. (документ ООН A/58/323);

– упоминавшийся программный доклад Группы высокого уровня ООН по угрозам, вызовам и переменам «Более безопасный мир: наша общая ответственность» от 2 декабря 2004 г. (документ ООН A/59/565);

– доклад Генерального секретаря ООН «При большей свободе: к развитию, безопасности и правам человека для всех» от 21 марта 2005 г. (документ ООН A/59/2005).

Квинтэссенцией всех этих документов, с одной стороны, подготовивших создание Комиссии ООН по миростроительству (КМС), а с другой – проложивших путь к выводу субъектов глобально-управленческой инфраструктуры за рамки ООН, может послужить следующая выдержка из доклада «НГС»: «Мы опасаемся того, что если реформы будут осуществляться в рамках обычных процессов, то результатом будут разрозненные, неадекватные действия»². Ясно, что перед нами современная интерпретация гитлеровского принципа замены «игры свободных сил» «торжеством высшего разума», принятого в ноябре 1937 г. англосаксонским Западом в лице лорда Галифакса.

В-третьих, приведенные цитаты из «НГС» (1995 г.) и Препроводительного письма А. Паньярачуна к докладу Группы высокого уровня ООН по угрозам, вызовам и переменам свидетельствуют, что в основу глобально-управленческой стратегии «частными и независимыми группами» закладываются «превентивная дипломатия» и «предотвращение острых конфликтов», то есть управление конфликтами, которое С.Манн рассматривает в контексте «эксплуатации критичности» – чередования фаз порядка и хаоса. Отметим, что соответствующими разработками занимаются не только в Институте сложности в Санта-Фе, но и в других «фондах и мозговых трестах» США, которые были созданы в ходе холодной войны и специализировались на исследованиях в области ее теории и практики. Они внесли значительный вклад в расширение глобальной стратегии Запада, дополнив биполярное ядерное противопо-

стояние СССР и США локальными конвенциональными конфликтами «низкой интенсивности»*.

Кроме того, приведенный выше перечень таких «фондов и мозговых трестов» наглядно демонстрирует тесное переплетение глобальной олигархии с научным сообществом, а также четко организованный характер сложившегося между ними симбиоза. Причем этот список – далеко не полный; в нем перечислены лишь спонсоры Группы высокого уровня ООН. Реальное участие академических и прикладных научных учреждений в системе глобального управления намного шире. Достаточно упомянуть частно-государственную корпорацию *RAND*, Гарвардский, Йельский, Стэнфордский, Колумбийский (США), Сассекский (Великобритания) университеты, Гудзоновский институт, институт Брукингса, а также Стэнфордский исследовательский институт, Аспенский институт гуманитарных исследований, Массачусетский технологический институт (МТИ) и т.д.**.

Отдельной строкой в этот список могут быть вписаны структуры, специализирующиеся на проблемах «мировых ресурсов» и «глобального общего достояния». Наиболее известными среди них являются упомянутые в докладе «НГС» Институт мировых ресурсов и Всемирный фонд дикой природы (*World Wildlife Fund*).

Фонд лично патронируется принцем Филиппом – мужем королевы Елизаветы II. Созданная *WWF* всемирная сеть накрывает и Россию, а руководитель его московского офиса А.О.Кокорин не только активно пропагандирует концепцию «ус-

тойчивого развития» и теорию «глобально-го потепления», но и придает деятельности российского филиала четкий «оранжевый» оттенок.

Еще один важный нюанс, касающийся «частных и независимых групп», стоящих за «фондами и мозговыми трестами». В приведенном А.Паньядучуном списке отсутствуют представители клана Ротшильдов. Обратить на это внимание необходимо ввиду периодически вспыхивающих в российском экспертом и аналитическом сообществе конспирологических слухов, питающихся разнообразными, в том числе сомнительными, провокационными и заведомо дезориентирующими измышлениями и домыслами. Отметим: Ротшильды, по-видимому, не упомянуты потому, что стараются не «светиться», то есть не фигурировать в соответствующих документах, используя опосредованные способы воздействия на те или иные процессы, протекающие в глобальной экономике и, разумеется, политике.

Сегодня активность перечисленных структур направлена не только против России, но и против других стран в различных регионах планеты. В центре их деятельности, как убедимся на примере КМС, поставлено предотвращение международных и, главное, внутренних конфликтов, их управление и постконфликтное регулирование.

В-четвертых, видна четкая взаимосвязь между интересами «частных и независимых групп» и НПО, в функции которым вменяется нажим на правительства. При этом – вот в чем особый

* Данный вопрос – опять-таки отдельная тема; порекомендуем тем, кто интересуется проблематикой интеллектуальных политических игр, которые предшествовали распаду СССР, книгу Нобелевского лауреата Т.Шеллинга «Стратегия конфликта» (М.: ИРИСЭН. 2007. – 374 с.).

** Именно в МТИ на рубеже 60-х – 70-х годов группа Д.Медуза готовила получивший широкую известность первый доклад Римскому клубу «Пределы роста».

цинизм – правительства, по сути, обязываются оплачивать разработку против них же и направленной реформы институтов ООН и мирового порядка в целом, которую вынашивают частные «фонды и мозговые тресты». Однако правительства – в рамках идеологемы «Мы, народы...» – уже взяли на себя определенные обязательства, нарушение которых, равнозначное выходу из подчинения «людям и организациям», по-видимому, грозит серьезными, в том числе личными неприятностями тем, кто рискнет так поступить.

Что касается государств, являющихся источниками финансирования «глобального плана», отметим отсутствие в их перечне такой ключевой, критически важной для его реализации страны как США. Однако на деле это означает отнюдь не отстраненность Америки, а лишь ее участие через частные структуры, что соответствует сформулированному Д.Рокфеллером общефилософскому замыслу замены государственной власти правительств частной властью крупного финансового капитала*.

Особо подчеркнем, что из стран бывшего СССР, помимо Российской Федерации, к финансированию «глобального плана» Римского клуба привлечен только Казахстан Н.А.Назарбая – лидера, нередко выступающего с громкими международными инициативами, вроде введения новой мировой резервной валюты.

В-пятых, несмотря на то, что «красной нитью» через все перечисленные документы ООН проводится тема «борьбы с нищетой», а ситуация, сложившаяся после распада СССР в Рос-

сии и на Украине докладом «НГС» признается катастрофической², предлагаемые меры полностью обходят как эти, так и остальные субъекты постсоветского пространства.

Так, на 119-ти страницах того самого программного ООН-овского доклада «Более безопасный мир...» Украина и другие республики бывшего СССР, не считая Российской Федерации, не упомянуты ни разу.

Россия же упоминается четыре раза, три из которых приходятся на сокращение ядерных arsenалов и активизацию участия Москвы в укреплении режима нераспространения ОМП, а четвертый – на поддержку и приветствие ратификации нашей страной объективно тормозящего ее экономическое развитие Киотского протокола.

Никакая иная помощь Москве, Киеву и другим постсоветским столицам, за исключением кабальных кредитов, предоставляемых стоящими за спиной МВФ олигархическими «частными и независимыми группами», стало быть, не предусматривалась. Вместо этого Группой высокого уровня ООН по угрозам, вызовам и переменам нам предлагается «подтвердить свою приверженность» целям «борьбы с бедностью и нищетой» – не своей, а чужой, обеспечив ежегодное выделение 0,7% ВНП и разработку – видимо, для контроля и отчетности – «графика достижения этого показателя»⁴.

В связи с изложенным, на наш взгляд, появляется необходимость повторить приведенные в первой части статьи сведения о профессиональном составе участников структур, связанных с глобальным управлением.

* По такому же принципу устроено участие США в «Группе десяти» учредителей базельского Банка международных расчетов (БМР). В отличие от других членов «десятки», а также Швейцарии как страны пребывания БМР, США представлены не правительством, а четырьмя частными банками: «Citibank», «J.P. Morgan Chase», а также «Первыми национальными банками» Нью-Йорка и Чикаго.

- В основном в них входят:
- политические, деловые и научные элиты, представители спецслужб, профсоюзные лидеры, глобальные СМИ;
 - государственные институты, связанные системой межправительственных соглашений и документов;
 - международная бюрократия специализированных учреждений ООН и функционирующих под ее эгидой форумов и институтов;
 - транснациональная бюрократия крупнейших региональных организаций (НАТО, Европейского союза, АСЕАН, ОАГ и др.);
 - протоструктуры глобальных партий, например Социнтерна, увязывающего экологическую проблематику с идеологической, политической и организаторской деятельностью;
 - различные инициативы, осуществляемые в рамках проекта так называемого «глобального гражданского общества» («Хартии Земли», Гуманистического интернационала и др.);
 - глобальные и транснациональные НПО и т.д.⁶

Внутри и вне ООН. От централизованной к сетевой структуре

Унаследованный преемниками Римского клуба из числа глобально-управленческих структур второго и последующих поколений «Глобальный план» тоже пережил определенную трансформацию. Исходной точкой, по-видимому, является 1992 г., когда на Конференции ООН по окружающей среде и развитию в Рио-де-Жанейро официальной глобальной стратегией была утверждена концепция «устойчивого развития». Под ее реализацию в том же году создали Комиссию по глобальному управлению и сотрудничеству, а на выборах в США Дж.Буша-старшего сменил мало кому известный тогда губернатор штата Арканзас У.Клинтон. Именно тогда, по-видимому, сложился новый, постсоветский консенсус западных элит, результатом которого стало появление доклада «НГС». В нем, как увидим ниже, были предусмотрительно прописаны два в целом различных способа движения к «Новому мировому порядку».

Из доклада «Более безопасный мир...»: «...Несистемные узковедомственные подходы, применяемые международными учреждениями, являются зеркальным отражением несистемных узковедомственных подходов, используемых правительствами. Так, ...министерства финансов, как правило, работают

лишь с международными финансовыми учреждениями, министры по вопросам развития – только с программами развития, министры сельского хозяйства – только с продовольственными программами, а министры экологии – только с экологическими структурами. ...Правильно призывают ООН повысить уровень координации...»⁴.

То же самое, только более четко и конкретно, отмечается и авторами появившегося почти за десятилетие до этого доклада «НГС»:

Всемирная организация здравоохранения (ВОЗ) предполагалась как «глобальный центр для министерств здравоохранения и социальных вопросов» (соответствующее название российского правительственного ведомства это только подтверждает – Авт.).

Продовольственная и сельскохозяйственная организация ООН (ФАО) виделась авторам «НГС» центром генной инженерии, решающим также проблемы, связанные с «растущей озабоченностью снабжением продовольствием и требовательностью безвредности продуктов питания, несправедливостью международного ценообразования и субсидирования производства сельскохозяйственных товаров».

В уточненную задачу ЮНЕСКО входило превращение в мировой центр «коммуникаций и компьютерных технологий».

Международная организация труда (МОТ) должна была стать центром, обес-

печивающим трехсторонний характер (с участием бизнеса, профсоюзов и органов власти) процессов обсуждения и выработки стандартов для рынка труда и т.д.² (курс. – Авт.).

Приведенные цитаты ясно указывают на нечто большее, чем обыкновенное «усиление координации» между различными структурами ООН, которые с 2000 г. являются «партнерами по Целям развития тысячелетия» («ЦРТ»). В докладе ясно говорилось, что «...если специализированные учреждения не сумеют превратить себя в центры (глобального – Авт.) управления, то эта роль во все возрастающей степени будет переходить (sic!) к ...Всемирному банку, сетям научно-исследовательских организаций... и региональным организациям»².

Запомним этот важнейший, фундаментальный по своему смыслу и значению тезис. Именно здесь, на наш взгляд, находится развилка между двумя вариантами реализации «глобального плана», каждый из которых предполагал расширение полномочий специализированных учреждений ООН с повышением их статуса до уровня глобальных министерств. А также обязательное принятие этой модели всеми основными государствами, включая структурную адаптацию к ее требованиям своих политических систем и институтов.

Очевидно, что первый вариант, предложенный авторами «НГС», – создание системы глобальной власти на базе ООН в виде Совета экономической безопасности (СЭБ), автоматически превращавший ООН в «мировое правительство», – по каким-то причинам не прошел. В результате ООН-овские специализированные учреждения не получили возможности утвердиться в качестве «центров управления» непосредственно под эгидой этой крупнейшей международной Организации.

Крах проекта СЭБ в условиях всеобъемлющей вовлеченности ООН в «глобальный план», по-видимому, явился достаточным побудительным мотивом для «частных и независимых групп» к тому, чтобы задействовать второй вариант, а именно: приступить к выводу основных организационных мероприятий и управлеченских «активов» из ООН, чтобы им не угрожали ни российское или китайское «вето» в Совете Безопасности, ни непредсказуемость перспектив реформирования руководящих органов ООН. Но поскольку функции «мирового правительства» ООН при таком раскладе выполнять уже не могла, а создание такого «правительства» вне ООН угрожало, как помним, глобальным двоевластием, то на вооружение был принят принцип не иерархического, а сетевого управления.

Видно, что, несмотря на отдельные неудачи, архитекторы «глобального плана» прямо идут к достижению цели, причем пытаются при этом действовать не напролом, а аккуратно обходить расставленные на их пути «ловушки».

Из доклада «Более безопасный мир...»: «...Институциональная проблема, с которой мы сталкиваемся, является двойной: во-первых, принятие решений по международным экономическим вопросам, в частности в финансовой области и в области торговли, уже давно осуществляется вне рамок ООН, и никакие институциональные реформы не повернут этот процесс обратно; во-вторых, в Уставе (ООН – Авт.) предусмотрено создание специализированных учреждений, независимых от главных органов ООН, а роль ЭКОСОС (Экономического и социального совета ООН – Авт.) сведена к функции координации»⁴ (курс. – Авт.).

На наш взгляд, имеются серьезные основания полагать, что глобальными олигархами создается некая усложненная структура. Это не властный

субъект в классическом его понимании, каким становился бы СЭБ в случае его создания, но, в то же время, некое его подобие.

Как следует из доклада «НГС», принцип субсидиарности, то есть передачи управленческих функций вниз, ближе к уровню принятия решений, означает их распределение внутри сети между институтами глобального, регионального, национального (государственного – *Авт.*) и местного управления². В результате сеть становится многоуровневой и переплетается с «глобальным гражданским обществом».

Как отмечает один из основателей концепции сетевого общества М.Кастельс, «...сетевая логика влечет появление социальной детерминанты более высокого уровня, нежели конкретные интересы, мотивирующие само формирование подобных сетей: власть структуры оказывается сильнее структуры власти. Принадлежность к той или иной сети или отсутствие таковой наряду с динамикой одних сетей по отношению к другим выступают в качестве важнейших источников власти...»⁶.

Иначе говоря, элементы системы, которой является сеть, подключаются к ресурсам сетевой власти. Именно поэтому видимого конфликта интересов между «верхами» и «низами», свойственного политическим системам иерархического типа, здесь не возникает. (Хотя отсутствие видимого конфликта, как мы понимаем, не является доказательством отсутствия всякого конфликта вообще).

Внутри самой сети (или сетей) видимыми источниками власти становятся временные, ситуативные центры, которые формируются под конкретный проект определенной конфигурацией ее отдельных звеньев. Выдвижение же самих проектов авторы «НГС», как

помним, связывают с «согласованной глобальной структурой», представленной «на соответствующих уровнях» и действующей «под неким институциональным надзором»², то есть ядром сети как системы, способной, по Кастельсу, как функционировать самостоятельно, так и взаимодействовать с другими системами.

Такой «надзор», вряд ли являющийся прерогативой лишь одного института, носит, скорее всего, комплексный характер и может осуществляться различными центрами принятия решений как внутри, так и вне ООН. С учетом принятия на вооружение второго, сетевого варианта реализации «глобального плана» наш анализ будет неполным без упоминания потенциальных источников расходящихся по сети (или сиям) управляющих импульсов.

С одной стороны, здесь имеется группа «теневых» центров влияния. Как правило, это закрытые, непубличные клубы; их стержневую триаду, включающую Совет по международным отношениям (СМО), Бильдербергский клуб и Трехстороннюю комиссию, мы уже рассматривали⁷.

Известно, что субъекты этой «триады» о своей деятельности не отчитываются и протоколов заседаний не публикуют. О характере и содержании ведущегося в них обсуждения, а тем более о принятых решениях можно только догадываться или судить по косвенным признакам. Тем не менее, эти косвенные признаки, к которым, например, можно отнести повестки ежегодных заседаний Трехсторонней комиссии, публикуемые на ее сайте* примерно через полтора месяца после проведения таких заседаний, позволяют говорить о том, что обсуждаемый круг вопросов

* Адрес официального сайта Трехсторонней комиссии: www.trilateral.org.

включает в себя как политические, так и экономические проблемы.

Практическая реализация результатов обсуждения, оформленных в виде неких «рекомендаций», осуществляется с помощью открытых, публичных институтов, деятельность которых широко освещается мировыми и национальными СМИ. И вот здесь уже начинает просматриваться разделение на экономическую и политическую сферы, хотя следует оговориться, что такое разделение становится явным не раньше 2000 г. Имеются все основания связать такую метаморфозу с отделением глобального политического управления от глобального экономического. Видимым его подтверждением стало учреждение института Всемирных саммитов ООН по «ЦРТ», первым из которых стал прошедший именно в 2000 г. Саммит тысячелетия.

В режиме посредников, выводивших принятые «рекомендации» из «тенивой» сферы в публичную, функционировали Римский клуб, а также сменявшие его Комиссии по глобальному управлению и сотрудничеству и по глобализации. Поэтому политическая проблематика ими не отделялась от экономической, что мы видели на примере докладов Римскому клубу.

Обе комиссии были тесно связаны с Комиссией по устойчивому развитию внутри ООН и с Социнтерном – вне рамок Организации. Напомним также, что в создании Комиссии по глобализации принимали участие структуры, тесно связанные с Международным общественным фондом социально-экономических и политологических исследований («Горбачев-фондом»): Форум «Состояние мира» (Сан-Франциско) и Форум «мировой политики» (Турин). С помощью этих фондов была сформирована структура комиссии, включившая 30 сопредседателей и 100 членов так называемого «Совета мудрецов» из

числа крупных и влиятельных отставных политиков. В заявлении учредительной конференции Комиссии по глобализации (декабрь 2001 г.), опубликованном крупным неформальным рупором глобальной олигархии – британской *«Financial Times»*, говорилось, что ее целью является «привлечение лидеров из всех секторов общества для обсуждения и кооперативных действий, направленных на конструктивную реформу конкретных аспектов глобализационного процесса»¹.

С выведением центров принятия решений за рамки ООН начали формироваться новые структуры, которые, в соответствии с указанной выше нормой Устава ООН, сохраняли с ней определенную институциональную связь. Так, в экономической сфере «Группа двадцати», созданная в конце 1990 г. и выведенная на «проектный» межправительственный уровень в 2008 г., тесно связана с ЭКОСОС ООН и международными финансовыми институтами, являющимися партнерами ООН по реализации целого ряда программ. Еще одной стороной, принимающей в работе «двадцатки» самое деятельное участие, является Банк международных расчетов (БМР), контролирующий и задающий нормы поведения центральных банков стран-участниц Базельского клуба.

На политической сфере целесообразно остановиться особо, ибо после 2000 г. скоординированное строительство новых институтов здесь осуществлялось и вне, и внутри ООН, что указывает на единое, централизованное управление этим процессом.

Первой среди политических институтов, безусловно, является «Группа восьми», хотя политикой ее проблематика, разумеется, не исчерпывается.

С одной стороны, «восьмерка» служит важным «каналом», через который в публичную политику вводятся вопро-

сы, обсуждаемые в «теневой» сфере. С другой – и это побуждает смотреть на перспективы этой группы особенно скептически, саммиты «восьмерки» в последние годы носят скорее церемониальный характер и проводятся в фактическом формате «Группы двадцати» с привлечением глав Китая, Индии, Бразилии и ряда других крупнейших развивающихся государств.

На наш взгляд, не будет преувеличением сказать, что своеобразным сигналом к закату «восьмерки», прозвучавшим еще во второй половине 90-х годов, стало подключение к этому элитарному клубу Российской Федерации, представленное равноценной компенсацией Москве за два далеко идущих по своим последствиям шага. Еще раз подчеркнем, что имеются в виду присоединение России к Базельскому клубу, которое лишило нашу страну финансовой независимости, а также отказ от договоренностей И.В.Сталина и Ф.Д.Рузвельта о закреплении за СССР (а, следовательно, и за РФ) права назначать своего руководителя Департаментом ООН по политическим вопросам.

Поскольку ставить нашу страну вровень с собой ангlosаксонский Запад явно не собирался, компенсация в виде включения России в «восьмерку» была преднамеренным обманом плохо разбирающегося в нюансах этой игры Б.Н.Ельцина, ибо решение о разделении глобального экономического и глобального политического управления к тому времени, по-видимому, уже было принято.

Таким образом, постепенное снижение прежней роли «восьмерки» с переносом центра обсуждения глобальных

вопросов в другие структуры с самого начала являлось полностью управляемым процессом, неотъемлемой частью которого являлось его сокрытие от некомпетентного и недальновидного российского руководства.

В 2000 г., за год до учредительного заявления Комиссии по глобализации, была открыта к подписанию Инициатива «Хартии Земли», учредители которой во главе все с тем же М.С.Горбачевым призвали (*sic!*) объединить структуры «глобального гражданского общества» и их лидеров в глобальную трансграничную организационную структуру сетевого типа. Эта сеть была рассчитана на включение в нее абсолютно всех структур – от институтов ООН, региональных организаций, Социнтерна и входящих в ее структуру левых партий до международных и национальных НПО, других организаций «глобального гражданского общества», местных органов власти и самоуправления.

Мы уже приводили пример с присоединением к «Хартии» парламента Республики Татарстан.

Проводимые вне ООН ежегодные конференции Комиссии по глобализации дополнились созданием уже в структуре ООН Комиссии по миростроительству, учреждение которой было осуществлено Всемирным саммитом по «ЦРТ» 2005 г.*.

С 2008 г., опять-таки вне ООН, заработал новый межправительственный институт ежегодных форумов мировой политики, знаменующих начало очередного этапа легитимации публичного обсуждения путей управляемого решения наиболее острых глобальных проблем, прежде всего в сфере политики**.

* Поскольку этому органу будет посвящена отдельная глава завершающей части статьи, подробно останавливаться на его деятельности здесь нецелесообразно.

** О форумах мировой политики из-за их усиливающегося воздействия на внутриполитические дела в России нам предстоит более подробный разговор.

От экологии и экономики – к политической и военной сферам

В 2000 г. на Саммите тысячелетия, произошло выделение глобального политического управления из глобального экономического управления. Всемирные саммиты ООН по «Целям развития тысячелетия» стали самостоятельным межправительственным институтом с собственным набором функций, отличным от сохранивших тот же межправительственный статус Конференций ООН по окружающей среде и (устойчивому) развитию. И хотя в основе тех и других осталось «устойчивое развитие», продекларировано было и новое, сугубо политическое направление – миростроительство, в сферу которого входят подготовка и управление разнообразными конфликтами, прежде всего внутренними.

Из доклада «Более безопасный мир...»: «Существующие глобальные структуры управления ...в экологической и социальной сферах ужасно не приспособлены для решения сложных предстоящих задач. Чтобы решать задачи, связанные с обеспечением устойчивого развития, страны должны вести переговоры, охватывающие различные секторы и вопросы, включая иностранную помощь, технологии, торговлю, финансовую стабильность и политику в области развития. ...Для согласования таких комплексов вопросов ...необходимо внимание на высоком уровне и руководство со стороны тех стран, которые оказывают самое сильное экономическое воздействие. В настоящее время не существует форума высокого уровня, который предоставил бы лидерам крупных промышленно развитых и развивающихся стран возможность на постоянной основе ...заниматься решением проблем»⁴ (курс. – Авт.).

Это было написано в 2004 г. Тогда же прозвучало и предложение вывода на межправительственный уровень «Группы двадцати». А сегодня деятель-

ность «двадцатки» в подобном межправительственном формате уже является реальностью. При этом, помимо девятнадцати государств, четыре из которых являются членами Европейского союза, в «двадцатке» представлен сам ЕС, а также глобальные и, отчасти, региональные финансовые институты: Всемирный банк, МВФ, Европейский банк реконструкции и развития и др.

Тем самым статус «Группы двадцати» определяется как смешанный – глобально-региональный, а участие международных финансовых структур позволяет ей привлекать к выполнению принятых решений специализированные учреждения ООН.

Это только один из аспектов деятельности «двадцатки», точнее, публичной легализации ее деятельности, начало которой было положено мировым финансовым кризисом 2008–2009 гг. Имеется и другой, не менее важный аспект. Следует учитывать, что первый вариант реализации «глобального плана», связанный с СЭБ, предполагал приоритет экономического глобального управления перед политическим. В соответствии с этим планом, Совет Безопасности превращался в орган, предназначенный для оперативного решения сугубо повседневных, текущих задач, в то время как СЭБ отводились функции стратегического планирования и разработки правил игры.

После перехода от первого, централизованного варианта формирования глобальной власти ко второму, сетевому разделение глобального экономического и глобального политического управления не только сохранилось, но и укоренилось в практике ООН. Однако, с другой стороны, с 2005 г. в системе ООН функционирует Комиссия по

миростроительству. Все установочные документы, предопределившие ее создание – а они нами перечислены и постоянно цитируются по ходу изложения материала – указывают, что главным партнером этой комиссии вне ООН служат региональные организации. Причем преимущественно не экономические, а политические и военно-политические, например, НАТО. Именно Североатлантический альянс, а также конкретные его участники, прежде всего США, обладают потенциалом, необходимым для осуществления многочисленных миротворческих операций от Центральной Африки до Афганистана.

Это говорит о том, что официальная постановка экономики впереди политики, скорее всего, является своего рода «фигурой умолчания», призванной скрыть подлинные механизмы глобального управления подобно тому, как экология сыграла роль «тряяnsкого коня» в подрыве СССР и мировой социалистической системы Римским клубом в годы холодной войны.

Ниже мы убедимся, что это предположение – верное, и по мере расширения планов глобального управления, провозглашенные экологические и экономические императивы сначала переплетаются с политическими и военно-политическими функциями и институтами, а затем уступают им пальму первенства.

Теперь о последовательности и особенностях этого процесса.

В 2000 г. были провозглашены восемь «Целей развития тысячелетия»: ликвидация крайней нищеты и голода, обеспечение всеобщего начального образования, поощрение равенства мужчин и женщин..., сокращение детской смертности, улучшение охраны материнства, борьба с ВИЧ/СПИД, ... и другими инфекционными заболеваниями, обеспечение экологической устой-

чивости и формирование «Глобального партнерства в целях развития»⁸.

Через четыре года, в докладе «Более безопасный мир...», были названы шесть основных блоков угроз. Видно, что первый из этих блоков – «экономические и социальные угрозы, включая нищету, инфекционные болезни и экологическую деградацию» – соответствует первым семи «ЦРТ»: от проблем, связанных с голодом и нищетой, до обеспечения экологической «устойчивости».

В свою очередь, блоки угроз со второго по шестой уже оперируют не экологической, экономической и социальной, а прежде всего политической, проблематикой. Среди них: межгосударственные и внутренние конфликты (включая гражданские войны и геноцид), распространение ядерного и других видов оружия массового уничтожения, терроризм и транснациональная организованная преступность⁴. Алгоритм противодействия этим угрозам заключен восьмом пункте «ЦРТ» и предполагает формирование «Глобального партнерства в целях развития».

Направления этого партнерства детально прописаны в Итоговых документах Всемирных саммитов ООН по «ЦРТ» 2005 и 2010 гг.

Прежде всего, из соотношения «ЦРТ» с блоками глобальных угроз, рассмотренных через призму «Глобального партнерства в целях развития», вытекает упомянутая общая логика реализации «глобального плана»: от экологии к экономике, от нее – к политике и далее – к военно-политической сфере. Кроме того, ряд материалов, появившихся в последнее время – как до, так и после саммита «Группы двадцати» в Сеуле (11–12 ноября 2010 г.) – может свидетельствовать о том, что началась работа по новой, «уточняющей» доработке нынешней конфигурации глобальных институтов.

Показательны, например, идеи, высказанные таким влиятельным политиком, как бывший Генеральный секретарь НАТО и Верховный комиссар ЕС по внешней политике и безопасности Х.Солана: «Всемирный финансовый кризис послужил быстрым и действенным катализатором для «Большой двадцатки». Первые три саммита глав государств в Вашингтоне, Лондоне и Питсбурге запомнятся продвижением принципа многосторонности и глобальных согласованных действий... Но, как показал ...саммит в Торонто (конец июня 2010 г. – Авт.), еще многое предстоит сделать.

...«Большая двадцатка» перестала быть подходящим проводником для глобального экономического управления, столкнувшись с необходимостью стабилизации финансовых рынков по всему миру. Голоса таких стран, как Китай, Индия и Бразилия должны были быть услышаны, чтобы найти скоординированный ответ на кризис...

...Очевидно, что проведение саммита «Большой восьмерки» непосредственно перед саммитом «Большой двадцатки», что произошло в Канаде в этом июне, просто служит продолжению существования отдельных клубов, что недопустимо.

Мир остается в очень деликатной переходной фазе, и пока не ясно, в каком направлении склонится G20. Основная задача сейчас – это продолжать использовать «геометрию Двадцатки», чтобы построить инструменты мирового управления. ...Пока страны развиваются с разными скоростями, глобальная стратегия должна оставаться приоритетом...»⁹ (курс. – Авт.).

Зафиксируем, что Солана сомневается в потенциале «двадцатки» и требует как можно скорее, пока не поздно, прекратить параллельное функционирование с ней «восьмерки». Подчеркивается стремление использовать «геометрию», то есть формат «двадцатки» для построения инструментов глобального управления, а затем, двигаясь в его русле, выровнять «скорость движения» или экономического развития основных глобальных игроков.

Солана не уточняет, за счет чего будет достигаться такое выравнивание. Это и понятно. Концепция «устойчивого развития», как помним, базируется на триаде: «устойчивый рост, социальное развитие, окружающая среда». При ближайшем рассмотрении эта триада наделяется прямо противоположным смыслом: «снижение численности населения и уровня потребления, установление контроля над природными ресурсами».

После саммита «Группы двадцати» в Сеуле настроения, подобные продемонстрированным Соланой, только усилились. Так, на уровне брюссельского Центра исследований европейской политики констатируется, что «некоторые люди вполне справедливо заявляют, что в действительности **самые важные решения принимаются где-то в другом** (по отношению к «двадцатке» – Авт.) **месте**». А потому «двадцатка» уже устарела и требует замены более узким и консолидированным кругом «глобальных тяжеловесов».

К таким «тяжеловесам» эксперт данного центра П.М.Качиньский относит:

– США, пусть «ослабленные», но «остающиеся самой важной экономической и военной державой»;

– Китай – «самую важную развивающуюся страну», ...«которая очень скоро станет второй в мире экономикой и первым в мире производителем»;

– Индию – «крупнейшую демократию», ...«быстро догоняющую Китай в плане демографии и экономического развития»;

– Россию – «самую большую ...по территории», ...«обладающую огромным политическим и военным влиянием», умеющую «...(зло)употреблять своими природными ресурсами к собственной политической выгоде»;

– Бразилию – «учитывая ее экологическое воздействие на мир...»;

– Японию – «крупную мировую экономическую державу...»;

– Европейский союз – «самое передовое в мире надгосударственное объединение, не попадающее в классические категории и определения международных организаций»¹⁰.

Прошло несколько лет, и подстегнутая кризисом реализация «глобального плана» предельно ускорилась, стремительно минуя этап за этапом. На наших глазах последовательно произошло формирование «однополярного» мира, затем его кризис и, наконец, поэтапный переход к усиленно декларируемой как бы в противовес американскому доминированию многополярности, которая подается некоей панaceaей и от нынешнего, и от будущих кризисов.

Свет на то, что за этим стоит, и чего следует ожидать в дальнейшем, проливает Зб.Бжезинский: «Отправным пунктом для проведения необходимой политики должно быть трезвое осознание трех беспрецедентных условий, которые в настоящее время определяют геополитическое состояние мировых дел:

1. впервые в истории одно государство является действительно мировой державой;

2. государством, превосходящим все другие в мировом масштабе, является неевразийское государство;

3. центральная арена мира – Евразия – находится под превалирующим влиянием неевразийской державы.

...Поскольку беспрецедентное влияние Америки с течением времени будет уменьшаться, приоритет должен быть отдан контролю над процессом усиления других региональных держав с тем, чтобы он шел в направлении, неугрожающем главенствующей роли Америки в мире.

...Рассчитанная на длительное время стратегия должна быть сориентированной

на краткосрочную (следующие пять или около пяти лет), среднесрочную (до 20 лет или около 20 лет) и долгосрочную (свыше 20 лет) перспективы. ...Эти стадии необходимо рассматривать не как совершенно изолированные друг от друга, а как части единой системы...

В краткосрочной перспективе Америка заинтересована сохранить и укрепить существующий геополитический плюрализм на карте Евразии. ...**Предотвратить появление враждебной коалиции, которая попыталась бы бросить вызов ведущей роли Америки**, не говоря уже о маловероятной перспективе, когда какое-либо государство попыталось бы сделать это.

В среднесрочной перспективе вышеупомянутое постепенно должно уступить место ...появлению все более важных и в стратегическом плане совместимых партнеров, которые под руководством Америки могли бы помочь в создании трансъевразийской системы безопасности, объединяющей большое число стран.

...В долгосрочной перспективе все вышесказанное должно постепенно привести к образованию мирового центра по-настоящему совместной политической ответственности¹¹ (курс. – Бжезинского, выд. – Авт.).

Иначе говоря, семь «глобальных тяжеловесов» Качиньского удивительно точно вписываются в концепцию «по-настоящему ответственного мирового центра». Другое дело, что выдвинутый Бжезинским перечень «тяжеловесов», которых он именует «геостратегическими действующими лицами», существенно отличается от списка Качиньского*.

Это выглядит закономерной данью реальностям эпохи; Бжезинский – не единственный интеллектуал в структу-

* Бжезинский, ставя в особое положение США, включал в список геостратегических действующих лиц Францию, Германию, Россию, а также Китай и Индию¹¹. Качиньский же интегрирует субъектность Франции и Германии в субъектности Европейского союза и добавляет к этому списку Бразилию и Японию, что отражает современные реалии: выдвижение на первый план экологической проблематики и создание в 2000 г. вокруг Японии Азиатско-Тихоокеанской группы Трехсторонней комиссии – Авт.

рах, занятых реализацией геостратегических амбиций англосаксонского Запада и потому его мнение не может претендовать на исключительность.

Таким образом, констатируем, что сегодня, с некоторыми отклонениями в частностях, вроде состава ведущих игроков, реализуется давно известный сценарий, обнародованный еще в середине 90-х годов, а написанный, надо полагать, намного раньше.

Перечислив перспективы, обозначив их временные и функциональные параметры, Бжезинский еще и разъясняет некоторые детали, которые также легко можно сопоставить с тем, что происходит сегодня: «Ближайшая задача заключается в том, чтобы удостовериться, что ни одно государство или группа государств не обладают потенциалом, необходимым для того, чтобы изгнать США из Евразии или даже в значительной мере снизить их роль в качестве мирового арбитра. ...Вряд ли демократическая Америка захочет постоянно выполнять трудную, требующую большой отдачи и дорогостоящую задачу по контролю над Евразией... с тем, чтобы помешать любому другому государству добиться регионального господства. (*Будем считать, что США в этом преуспели – Авт.*)».

Первая стадия, таким образом, должна логично и продуманно перейти во вторую, на которой оказывающая благотворное влияние американская гегемония все еще удерживает других от попыток бросить вызов... (*Вспомним фронду Франции, Германии и Италии американскому вторжению в Ирак и свяжем ее с оперативной, в течение года, сменой государственного руководства всех этих стран – Авт.*)».

Среднесрочная цель представляет собой содействие установлению настоящих партнерских отношений ...с более объединенной и в политическом плане оформленной Европой и с Китаем..., а также (могло надеяться) с постимперской и ориентированной на Европу Россией... (*Разве можно короче и яснее объяснить, для чего нужна была трансформация*

«восьмерки» в «двадцатку», и почему Солана требует «восьмерку» немедленно упразднить? – Авт.).

Из этого следует, что расширенные Европа и НАТО будут способствовать реализации краткосрочных и долгосрочных целей политики США. Более крупная Европа расширят границы американского влияния и через прием в новые члены стран Центральной Европы также увеличит в европейских советах число государств с проамериканской ориентацией, но без одновременного образования такой интегрированной в политическом плане Европы, которая вскоре могла бы бросить вызов США... (*Можно поставить «галочку»: НАТО и ЕС расширились, при этом для США все обошлось без серьезных вызовов, а несерьезные были быстро подавлены – Авт.*)».

Расширение НАТО и ЕС может служить средством для обретения Европой начинающего ослабевать чувства своего значительного предназначения... Ставкой в этих усилиях являются отнюдь не долгосрочные отношения с самой Европой... Неосуществление расширения НАТО ...может разрушить концепцию расширения Европы... и привести к возрождению скрытых или угащающих геополитических устремлений России...»¹¹ (курс. – Авт.).

Лейтмотив здесь один – хоть в строках, хоть между ними. Все пока идет по плану, – говорит Бжезинский, – за исключением разве что некоторых «шероховатостей», вроде изнеженности Европы и ее упрямой неготовности поверить в свое «значительное предназначение», несмотря на расширение ЕС. На очереди – Россия, пока она, не дай Бог, не проснулась.

Сказано – ясней некуда. Россией они теперь будут заниматься и только Россией! Без подчинения нашей страны, без ее «вовлечения» (употребим здесь лексику Трехсторонней комиссии) создать «мировой центр совместной ответственности» невозможно.

А теперь вернемся к уже отмеченному тезису доклада «НГС» о том, что

при переходе ко второму, сетевому варианту глобального управления с глобальными центрами вне ООН *ведущая роль «во все возрастающей степени будет переходить к ...Всемирному банку, сетям научно-исследовательских организаций... и региональным организациям»*.

Из этого следует, что несущую конструкцию рассматриваемого нами сетевого глобального субъекта власти (или его подобия) образует связка трех основных групп интересов, в том числе:

- группы Всемирного банка вместе с МВФ, который реформируется по решениям саммита «двадцатки» в Сеуле, обозначившим начало дрейфа мировой финансовой системы от «واشنطنского» к «сеульскому» консенсусу;

- представляющих интересы глобальной олигархии «академических кругов», «фондов и мозговых трестов», объединенных в СМО, Бильдербергском клубе и Трехсторонней комиссии;

- региональных организаций во главе с НАТО, а также ОБСЕ.

Совокупность именно этих институтов и структур образует указанные в предыдущей части статьи первые три уровня глобального управления⁷.

На НАТО следует остановиться особо, учитывая общий тренд в сторону политической и военной сфер, а также подчеркнутый интерес Запада к России, смешанный с опасениями ее возрождения.

Роль, которую все активнее играет Североатлантический альянс в системе глобального управления, хорошо просматривается в следующих фрагментах доклада «Более безопасный мир...»: «ООН должна стремиться более тесно взаимодействовать с региональными организациями, которые (sic!) взяли на себя ведущую роль в создании рамочных механизмов предотвращения. ООН может извлечь пользу из обмена информацией и аналитическими данными с региональными системами раннего

предупреждения (то есть НАТО – Авт.), но более важно то, что региональные организации продвинулись дальше, чем ООН в разработке нормативных стандартов, которые могут служить (sic!) руководством в контексте превентивной деятельности. ...ОБСЕ (вместе с Советом Европы и Социнтерном – Авт.) разработала применимые на практике нормы в отношении прав меньшинств. ООН должна опираться на опыт региональных организаций...

Начиная с середины 90-х годов (с создания натовской программы «Партнерство ради мира» – Авт.), наблюдается тенденция к развертыванию различных миротворческих миссий на региональной или субрегиональной основе.

...В последние годы такие союзные организации, как НАТО..., проводят операции по поддержанию мира за пределами их подмандатных районов. Мы (sic!) приветствуем это, когда эти операции санкционированы Советом Безопасности или подотчетны ему. ...**Во всех случаях необходимо запрашивать санкции Совета Безопасности для проведения региональных операций в пользу мира, признавая, что (sic!) в некоторых безотлагательных ситуациях такая санкция может быть запрошена после начала подобных операций.**

...Что касается НАТО, то она может также играть конструктивную роль в плане оказания содействия в подготовке и снаряжении не столь хорошо оснащенных региональных организаций и государств.

...**Развитые государства несут особую ответственность** (особенно, надо полагать, США и другие члены НАТО – Авт.) ...и должны сделать больше для реорганизации своих сил и средств таким образом, чтобы в их составе были контингенты, пригодные для использования в операциях в пользу мира⁴ (выд. в документе, курс. – Авт.).

Стало быть, Группа высокого уровня ООН по угрозам, вызовам и переменам поддерживает «превентивную» военную самодеятельность НАТО за пре-

делами зоны ее географической ответственности. Кроме этого, она даже санкционирует применение блоком силы *post-factum*, предлагая не только «опираться на этот опыт», но и «творчески» внедрять его в практику других региональных организаций с помощью и под контролем той же НАТО. Все это как раз и предполагается принятой в Лиссабоне новой Стратегической концепцией Североатлантического альянса.

Следующая выдержка из доклада «Более безопасный мир...» посвящена «превентивной дипломатии и посредничеству»: «...Можно и должно приложить большие усилия..., которые выражались бы ...в назначении умелых, опытных и известных во всем регионе посланников, посредников и специальных представителей, которые могут внести в предотвращение конфликтов такой же важный вклад, какой они вносят в улаживание конфликтов (например, фактическая сдача Югославии в 1999 г. В.С.Черномырдиным во время конфликта с НАТО – Авт.).

...Этому способствовало бы создание механизма обучения и инструктирования новых или специальных представителей и других представляющих ООН посредников...

...Посредники и переговорщики нуждаются в надлежащей поддержке... **Департамент по политическим вопросам (ООН – Авт.) должен получать дополнительные ресурсы и должен быть реорганизован с тем, чтобы он мог обеспечивать более последовательную и профессиональную поддержку посреднических усилий.**

...ООН необходимо:

а) иметь ориентированный на действия на местах специальный потенциал поддержки посреднических усилий, представляющий собой небольшую группу профессионалов, ...доступных для всех посредников, представляющих ООН (надо полагать, нечто вроде ООН-овских комиссаров – Авт.);

б) хорошо разбираться в тематических вопросах, которые постоянно возникают в

ходе мирных переговоров, таких как порядок следования шагов по осуществлению, структура договоренностей о наблюдении, порядок осуществления временных договоренностей и структура механизмов национального примирения;

с) осуществлять более тесное взаимодействие с ...региональными организациями (НАТО – Авт.) и НПО, вовлеченными в процесс урегулирования конфликта;

д) чаще консультироваться с важными представителями гражданского общества, ...мнения которых игнорируют в ходе переговоров...»⁴ (выд. документе – Авт.).

И, как резюме: «Учреждения системы коллективной безопасности редко оказываются эффективными сами по себе. Обычно многосторонние учреждения взаимодействуют с национальными и региональными организациями, а подчас и с гражданским обществом, и добиваются наибольшей эффективности, когда все эти усилия направлены на достижение общих целей»⁴.

Но, при этом, «...то, что мы защищаем, является отражением наших ценностей»⁴. Ценности же, как помним по докладу «НГС», легко преобразуются в «права и обязанности». А те, в свою очередь, то ли составляют «моральную основу глобального управления», то ли являются средством его обеспечения «качества».

Итак, во-первых, формирование «системы коллективной безопасности», о которой говорится в докладе «Более безопасный мир...», является тем императивом, который объединяет глобальное экономическое и глобальное политическое управление в единую систему, представляющую собой некое подобие глобального сетевого субъекта. Организационную основу составляют ООН, а также «Группа восьми», Комиссии ООН по миростроительству и устойчивому развитию, ныне действующая Комиссия по глобализации – структуры, в

деятельности которых экология и экономика не отделяется от политической сферы.

«Ценностная» привязка системы коллективной безопасности указывает на ее зависимость от англосаксонского ядра глобального управления, которое, в свою очередь, контролирует основные институты всех его семи уровней – от лондонского Королевского института международных отношений (КИМО) и washingtonского СМО до партий-членов Социнтерна, НПО и других субъектов «глобального гражданского общества».

Во-вторых, ноябрьский саммит «Группы двадцати» в Сеуле, утвердивший реформу МВФ с переходом к «сесульскому консенсусу», и ноябрьский же Лиссабонский саммит НАТО, принявший новую Стратегическую концепцию этого блока, – звенья одной цепи, события, объединенные единой логикой, обеспечивающей формирование упоминавшегося глобального сетевого субъекта власти. «Теневой» центр, отражением которого в публичной сфере служат *G8*, *G20* и др., находятся в англосаксонском ядре Запада и формируют стратегию этого субъекта. Реализация данной стратегии осуществляется с помощью ООН, ибо это «...единственное место, где вопросы мира, безопасности и развития могут решаться совместно на глобальном уровне»⁴.

В-третьих, активизация роли региональных организаций, прежде всего НАТО, в миротворческой сфере началась одновременно с подробно раскрытым в книге В.В.Штоля¹² развертыванием Североатлантическим альянсом собственной, отличной от ООН, системы миротворческих партнерств и миссий. Всемерно поддержав эту тенденцию фактического превращения НАТО в глобальный военный блок, ООН предложила Североатлантическому альянсу «режим наибольшего благо-

приятствования» во всех основных сферах этой деятельности, включая preventivное применение военной силы, распространение своего опыта на другие регионы, а также подготовку групп посредников.

Под это члены Группы высокого уровня ООН по угрозам, вызовам и переменам согласились сформировать при ООН отряд «комиссаров» – представителей, посредников и переговорщиков. Именно к ним за консультациями предписывается обращаться всем должностным лицам, выполняющим в данном регионе свои обязанности по мандату ООН.

Также Группой высокого уровня было предложено реорганизовать Департамент ООН по политическим вопросам (ДПВ); путь к этому, надо полагать, был проложен в 1997 г., выведом ДПВ из-под контроля России и передачей его в сферу влияния Запада.

В-четвертых, предложения ООН укрепляют позиции наиболее крикливых проамериканских сил внутри самой НАТО, предлагая европейским членам блока максимально расширить масштабы своего участия в «миротворческих» операциях, то есть сделать именно то, чего и добиваются от них США¹³. Легко догадаться, что этим предложением рады воспользоваться в Восточной Европе, отличающейся особым антироссийским настроем.

Видный член СМО, бывший посол США в НАТО Р.Хантер открыто говорит о том, что европейцы участвуют в операции альянса в Афганистане по двум причинам. Одной он считает «защиту авторитета НАТО, если уж она там оказалась», а второй и главной – (*sic!*) «оплату найма США для управления будущим России по отношению к Европе»¹³.

Но эти причины очевидно взаимосвязаны. Иначе говоря, имеется в виду своеобразный размен: сохранение от-

ветственности США за безопасность Европы в ответ на европейское участие в американской акции в Афганистане и принятие Европой, таким образом, части ответственности за выход НАТО на глобальный простор, за пределы традиционных границ своего геополитического влияния. У этого «размена», как увидим, имеется и «второе дно»: прикрыть с помощью НАТО американские великодержавные geopolитические амбиции.

В-пятых, инструментом реализации «глобального плана», под который затеяно реформирование международных финансовых институтов и выход США с помощью и одобрения НАТО за пределы границ ответственности альянса, слу-

жит все то же «гражданское общество», призванное оказать в этих целях на- жим на правительства. Апелляция к «гражданскому обществу», видимо, не- обходима по ряду причин, в том числе для формирования в странах, уже под- вергающихся или находящихся в стадии подготовки к внешнему вмеша- тельству в форме миротворчества или постконфликтного миростроительства, своего рода «пятой колонны» – элит- ных групп, встроенных в институты глобального управления и заинтересо- ванных в фактическом введении в сво- ю стране «внешнего управления», ко- торое они рассматривают гарантией неприкосновенности собственного элитного статуса и интересов.

Геостратегия или авантюра?

Проводящиеся с 2008 г. Форумы ми- ровой политики, инициатором которых является Французский инсти- туэт международных отношений (ИФРИ), как уже отмечалось, имеют и российскую проекцию. В преддверие второго и третьего таких форумов (сентябрь 2009 и 2010 гг., Ярославль) под совместным патронатом ИФРИ и ряда российских неакадемических фон- дов и институтов: «современного раз- вития» (ИНСОР), «общественного про- ектирования» (ИОП) и др. – были про- ведены крупные международные фору- мы, объединенные общей проблемати- кой «Современное государство». (Первый из них посвящался проблемам глобальной безопасности; второй – стан- дартам демократии и критериям эф- фективности).

Не составляет секрета, что укрепля- ющееся взаимодействие ИОП и особы- но ИНСОР с ИФРИ, с помощью кото- рого в Ярославле была создана тесно связанная с ежегодными Форумами ми- ровой политики «площадка» для об- суждения с иностранным участием про-

блем российской внутренней политики, не просто является инструментом внешнего вмешательства, но и обуслов- лено попыткой реализации крупного геополитического проекта.

Отметим, что этот проект, который нами связывается с наследием А.Н.Ко- сыгина, Д.М.Гвишиани и, в определен- ной мере, Ю.В.Андропова, предполага- ет формирование «континентально-ев- разийской» оси Париж – Берлин – Москва, адаптация к которой России потребовала от нашей страны слишко- много, в том числе и распада СССР, оформленного в 1991 г. Беловежскими соглашениями, как бы специаль- но и, подчеркнем, кощунственно приурочен- ными к 50-летию первого в Великой Отечественной войне победного страт- егического контрнаступления Крас- ной Армии под Москвой.

Сегодня реализация этого проекта связывается с возможным провалом миссии НАТО в Афганистане, в ре- зультате которого некоторые россий- ские и западные аналитики ожидают кризиса Североатлантического альянса

и ухода США из Европы, что, по их мнению, сделало бы возможным быстрое французско-германо-российское сближение. Собственно, это и есть проект Европы «от Атлантики до Урала», выдвинутый в свое время основателем европейского неоконсерватизма генералом Ш. де Голлем, расширенный впоследствии до формулы Европа «от Атлантики до Владивостока» для того, чтобы не отпугнуть от него сторонников сохранения СССР, а затем и Российской Федерации в прежних границах.

Вот мнение Лукьянова* по этой проблеме: «...Три части "большой Европы" (Европейский союз и НАТО, Россия и находящиеся между ними республики бывшего СССР – Авт.) оказались в состоянии стратегической неопределенности. Посткоммунистическая программа перехода исчерпала себя, не создав при этом устойчивую политическую и экономическую структуру Европы. Никаких новых проектов не предвидится, и в этих условиях возможны два основных сценария.

Сценарий первый – это сохранение нынешней ситуации. Россия и ЕС будут продолжать усилия по консолидации собственных позиций, борясь за влияние на своих общих соседей...

Если политическая ситуация будет развиваться таким образом, то "большой Европе", разрываемой коренящимися в ее прошлом конфликтами, придется играть второстепенную роль на мировой сцене.

Во втором сценарии Россия и ЕС должны объединить свои усилия и начать сотрудничать. Таким образом, «большая Европа» сможет претендовать на лидирующую роль в решении международных проблем. Если Россия и ЕС решат консолидировать усилия, они неизбежно

обратятся к решению проблем своих соседей, действуя при этом в рамках общей ответственности, а не соперничества. Кроме того, более тесная интеграция с ЕС считается важным условием для успеха экономических преобразований в самой России»¹⁴ (курс. – Авт.).

Итак, Лукьяновым – одной из ключевых фигур СВОП и явным сторонником интеграции России с Европейским союзом – в «большую Европу» фактически включаются США как член НАТО. Причем говорится о возможном расширении альянса, наряду с ЕС, на постсоветское пространство для «поддержания заинтересованности бывших советских республик», а также об «общей ответственности» за эти республики России и Евросоюза.

Не упустим и высказанную Лукьяновым мысль о якобы имеющейся взаимосвязи между российско-европейской интеграцией и модернизацией самой России.

В связи с этим в памяти всплывает информация, прозвучавшая в докладе секретаря ЦК КПРФ В.С.Никитина (июнь 2008 г.): «По имеющимся данным, в ЦРУ для уничтожения самобытности России создано специальное подразделение по борьбе с русским патриотическим движением, препятствующим осуществлению планов США.

В России на основе групп глубоко-го прикрытия и агентуры влияния со-здан новый штаб под названием «Мо-дернизация». Его задачей является обеспечение совместных скоординированных действий всех антирусских сил в целях нейтрализации, дискредитации и даже уничтожения русского патриотического движения, препятствующего политической мо-дернизации России по западному образцу.

* Политолог Ф.А.Лукьянов является главным редактором элитного журнала «Россия в глобальной политике», издающегося близким к Е.М.Примакову Советом по внешней и оборонной политике (СВОП). В издании журнала принимает участие официальный орган американского СМО – «Foreign Affairs». СВОП, в свою очередь, возглавляется заместителем директора Института Европы РАН С.А.Карагановым.

...Велика вероятность, что эта модернизация России закончится тем же, чем завершилась перестройка СССР – развалом российского государства»¹⁵ (курс. – Авт.).

При всей неоднозначности предложенного В.С.Никитиным комментария нас интересует высказанная им самоценная и очень важная новость: создание в России в 2007 г. некоего «штаба» с хорошо знакомым названием «Модернизация».

Отметим также, что одноименный термин «модернизация» активно продвигается во внутренней политике РФ, и делается это на самом высоком уровне при инициативной поддержке определенных элитных групп, противоречивый альянс которых известный политический аналитик С.Е. Кургинян в свое время тонко охарактеризовал как «консенсус Юргенса – Белковского»¹⁶.

Теперь о взгляде на поднятую Лукьяновым проблему взаимодействия США и НАТО, России и бывших советских республик с европейской стороны, причем, фактически с высшего уровня.

«Проблема в том, что, несмотря на ясную необходимость в многосторонности, существует риск сползания к двухсторонности из-за недостатка глобального руководства, – пишет Х.Солана. – Внимание президента США Б.Обамы сосредоточено на делах огромной важности, таких как Ближний Восток, его стратегия развертывания в Афганистане и бедственное положение американской экономики...

Степень взаимозависимости между странами возрастает, и глобальная природа наших проблем очевидна. В многосторонней структуре страны должны приложить усилия к сглаживанию различий и углублению отношений: мы должны преодолеть инерцию, которая тянет нас к старому мышлению и к старым альянсам»¹⁷ (курс. – Авт.).

Европейские проблемы, по мнению Соланы, должны быть переложены на

самых европейцев, но не полностью, а лишь частично, чтобы развязать руки американцам в других регионах, где они, как признает Солана, действуют в глобальных интересах всего Запада. Понятно, что для этого должен быть восполнен «недостаток глобального руководства».

Значит, Россию к Европе собираются «пристегнуть» как бы «на подхват» и только на американских и натовских условиях. О том же самом говорит и британский взгляд – откровенный настолько, насколько это вообще возможно в современной политике.

«НАТО не только потерпела неудачу в роли экспедиционного альянса; чтобы защищать слабые места в структуре европейской безопасности, ее раздутые бюрократические аппараты – гражданский и военный... – больше не требуются... Когда США понадобится помочь, они обращаются к тем европейским странам, у которых есть настоящие солдаты, готовые убивать и умирать на чужеземных войнах. НАТО им для этого не нужна.

Разумеется, США и дальше будет заботить европейскую безопасность... Однако спектр проблем, привязывающих США к Европе, сокращается....

США будут продолжать сотрудничать со своими европейскими союзниками на Крайнем Севере и в Арктике. ...Эстония, Латвия, Литва и Польша – вот единственныев европейские страны, которые Америке – теоретически – нужно защищать от России.

...Для США не входящие в НАТО Швеция и Финляндия значат намного больше с точки зрения поддержания в регионе стабильности и безопасности, чем большинство стран, номинально считающихся членами альянса.

Европа же останется местом, в котором будет развернута американская ПРО. Она также будет обеспечивать логистическую поддержку зарубежным миссиям Америки и ...сохранит прочный трансатлантический дипломатический союз с США...»¹⁸ (курс. – Авт.).

Ключевой вопрос: кто из европейцев будет умирать за интересы США «в чужеземных войнах»?

Единственный вразумительный вариант ответа на этот вопрос: в случае интеграции России с ЕС это, надо полагать, будут делать те самые русские солдаты, от которых Америке «нужно защищать Эстонию, Латвию, Литву и Польшу».

Не так? Тогда кто еще? Неужели сами поляки или прибалты?

Точку в этом затянувшемся, но крайне необходимом контент-анализе весьма содержательных материалов ставит точка зрения, отражающая американскую позицию.

«...США должны настоять на том, чтобы Европа сама занялась собственной обороной. НАТО больше не имеет смысла в качестве всемирного альянса, так как ее роль сводится к защите Европы. **США должны выйти из НАТО**, может не сейчас, но в течение десяти лет, чтобы переложить на нее всю ответственность за безопасность Европы»¹⁹ (курс. – Авт.)

Итак, проект оси Париж – Берлин – Москва, продвигавшийся Ш. де Голлем и европейскими «новыми правыми» (Ф.-Й.Штраус, Ж.-М. Ле Пен и др.) и их российскими сторонниками, включая Ф.А.Лукьянова и С.А.Караганова, А.Г.Дугина и др., далеко не так однозначен, как может показаться на первый взгляд. Даже если оставить за скобками угрожающую территориальной целостности России концепцию еврорегионов*, являющуюся частью СС-овского плана «Европейской социалистической конфедерации», ясно, что кризис НАТО отнюдь не означает его

распада. Как не отрицает он и возможности переформатирования альянса, которое может оказаться для России весьма неожиданным и в не меньшей степени проблемным.

Характерные политические предвестники такого переформатирования только что названы. Имеется и потенциальная идеологическая платформа – «объединенный», американо-европейский неоконсерватизм, который автору этих строк уже приходилось увязывать с появлением на европейской политической арене фигуры нынешнего президента Франции Н.Саркози²⁰.

Между тем, упоминавшийся Р.Хантер пишет о сценарии, при котором «российские сторонники атлантизма получат возможность интегрироваться с Европой без того, чтобы США дышали им в затылок» как о самом неблагоприятном для Вашингтона. Кроме него, – подчеркивает Хантер, – есть и другие сценарии, связанные, в частности, с тем, что НАТО «продолжит угрожать России окружением, ...и Россия начнет усиливать свои связи внутри БРИК и ШОС, так как будет вынуждена отказаться от своей мечты о присоединении к Европе...»¹³.

Если учесть, что сам термин «БРИК» был изобретен в 2001 г. главным экономистом финансовой компании «Goldman & Sachs» Дж. О'Нилом, а также то, что сегодня присоединиться к этой группе намерена ЮАР, входящая в англосаксонское глобально-управленческое ядро, то данный сценарий Хантера отнюдь не выглядит утопическим**.

* Территории современной России (все в Северо-Западном федеральном округе) включены в шесть «еврорегионов». Это не может не настораживать, особенно ввиду разработки определенными силами на Западе проекта «Ингерманландия» – сепаратистского псевдогосударственного образования с центром в Санкт-Петербурге, ставящего целью отделение от Российской Федерации – Авт.

** К системе взаимосвязей и договоренностей, в которые вплетена группа БРИК, автору статьи уже приходилось обращаться в конце 2009 г.²¹.

Единственное с чем в этой цитате можно поспорить, так это с утверждением о существовании российской «мечты» присоединиться к Европе. История учит, что данная «мечта» принадлежит, в основном, вестернизированным российским элитам, соответствующие пополнования которых, всякий раз проваливаясь, очень дорого обходились стране.

Вот как оценивает перспективы взаимодействия России с Североатлантическим альянсом по завершении ноябрьского саммита «Россия – НАТО» в Лиссабоне бывший посол США в НАТО К.Уолкер: «Совместная работа НАТО и России в тех областях, где они имеют общие интересы (то есть только на условиях НАТО – Авт.), соответствует требованиям здравого смысла и хорошей политике. Такие общие интересы у них есть по вопросу транзитного пути в Афганистан; общность интересов должна быть и в вопросе ПРО (и это все; никаких «общих интересов» за рамками этого скучного перечня Уолкер, следовательно, не видит – Авт.).

Однако в реальном мире для совместной работы с Россией необходимо, чтобы Россия хотела работать с НАТО. Но Россия (к сведению наших сторонников сближения – Авт.) по сей день смотрит на сочетание своих интересов с интересами НАТО как на баланс с нулевой суммой.

Мы уже неоднократно пытались организовать сотрудничество между НАТО и Россией... Но за эти годы демократия в России подверглась значительным ограничениям, Россия оккупировала часть территории Грузии, прекратила выполнять условия договора об ограничении и сокращении обычных вооружений в Европе (СФЕ), выступила против размещения средств ПРО в Центральной Европе, заявила претензию на то, что ее соседи составляют ее сферу влияния, и в Концепции национальной безопасности РФ назвала НАТО угрозой номер один для России»²².

Маленький, но характерный штрих. Вообще-то «угрозой номер один» в со-

ответствующих российских документах названа не НАТО, а перспективы ее расширения. Но дипломаты такого уровня, как Уолкер, не оговариваются, а произносят то, что считают нужным довести до общественности.

Так понимают ли российские адепты сближения с НАТО, что речь идет об интеграции отнюдь не с Европой, а с США, ибо США уйдут из Старого света лишь номинально, сохранив в своих руках все основные инструменты контроля и воздействия на развитие ситуации? И что Россия в таком альянсе будет вынуждена играть не по своим представлениям о себе как «равноправном партнере», а по американским правилам, предполагающим – в самом лучшем случае – превращение нашей страны в младшего сателлита, выполняющего «грязную работу» в «чужеземных операциях»?

Думается, понимают – и прекрасно.

Чтобы доказать это, начнем с А.Б.Чубайса, который еще в 2003 г. выступил с проектом создания в России «либеральной империи», вступающей в альянс с ведущими geopolитическими игроками северного полушария с целью создания «кольца демократий»²³.

Ярким последователем Чубайса является нынешний Постоянный представитель РФ в НАТО Д.О.Рогозин.

Д.Рогозин в интервью телеканалу RT заявил следующее: «В третьем мире проявляется новая цивилизация, которая считает, что ...северное полушарие должно пасть к ее ногам. Если северная цивилизация (!?) хочет защитить себя, она должна объединяться: Америка, Европейский союз и Россия...»⁴⁰ (курс. – Авт.).

Рогозину вторит не нуждающийся в дополнительных «рекомендациях» Горбачев:

«Межконтинентальное пространство от Ванкувера до Владивостока сталкивается с множеством ...проблем, но на этом фоне появляется и много общих интересов. Рос-

сийско-американская "перезагрузка", а также провозглашенное Евросоюзом "партнерство в интересах модернизации" с Россией должны стать отправной точкой на пути к созданию нового межконтинентального сообщества. Только действуя совместно, США, Европа и Россия смогут обеспечить себе позиции лидерства и влияния в быстро меняющемся мире. ...Исламский мир с трудом решает задачу адаптации к современной эпохе... Сообщество цивилизаций с общими культурными корнями и разнообразным опытом должно стать участником этого диалога..."²⁴ (курс. – Авт.).

Здесь в кучу свалено все. И отсутствующая мифическая «северная цивилизация», geopolитические интересы названных «субъектов» которой – США, Европы и России – объективно друг другу противоречащие, тем не менее, выстроены в полном соответствии с «глобальным планом» первого президента Римского клуба А.Печчеи. И полностью опровергнутое евразийской теорией (Н.С.Трубецкой, П.А.Савицкий, Н.Н.Алексеев и др.), заблуждение о «единых цивилизационных корнях России и Запада» и их несовместимости с Исламом*, не имеющее ничего общего с реальностью.

Но главное: Горбачев выдает суть и смысл нынешнего этапа реализации «глобального плана», подтверждая вышеупомянутое откровение П.М.Качиньского о семи «глобальных тяжеловесах» – США, Китае, Индии, России, Бразилии, Японии и Европейском союзе.

Качиньский, как помним, стыдливо умолчал о том, что этот формат озна-

чает ту же «Группу двадцати» за вычетом мусульманского мира, а вот Горбачев, ничего не стесняясь, по сути, открыто призывает к конфронтации с Исламом.

Неужели у кого-нибудь имеется хоть малейшее сомнение в том, что главным, пусть и не единственным кандидатом на столкновение «цивилизованного северного кольца демократий» с якобы «не способным адаптироваться к современной эпохе» (что на самом деле не так) южным мусульманским миром Запад видит именно Россию?

Недальновидность и ущербность представлений и устремлений, выраженных Рогозиным, Горбачевым, а также И.Ю.Юргенсом, способны привести к тяжелейшим последствиям для российской государственности, что наглядно демонстрируются красноречивой репликой все того же Р.Хантера: «Россия ...поймана между желанием стать частью Запада и стремлением стать посредником между Западной империей (именно империей! – Авт.) и всем остальным миром»¹³.

Комментарии излишни.

Именно поэтому сегодня, как известно из ряда официальных документов РФ, в ходу новая концепция – не Европы, а Евро-Атлантики, простирающейся уже «от Ванкувера до Владивостока»²⁵, что нельзя интерпретировать иначе, чем подготовку к включению нашей страны в НАТО и другие глобальные институты. Тем более что ИФРИ, являющийся соучредителем ярославских конференций, хоть и не входит в англосаксонскую систему ин-

* От представлений о неких «единых корнях» России и Запада не остается камня на камне после упоминания о «Великой схизме» (1054 г.) и преемственности России, как Третьего Рима, Второму Риму – Византийской империи, узаконенной династическим браком Ивана III с Софьей – племянницей последнего византийского императора Константина X в 1472 г. «Несовместимость» Русского Православия с Исламом напрочь опровергается уникальным многовековым примером российской цивилизации, соединившей в себе славянско-православное и тюрко-исламское начала.

ститутов международных отношений, во главе которой стоит Королевский институт в Лондоне (КИМО), но его возглавляет Т. де Монбриаль – видный член ряда глобальных структур и автор доклада Римскому клубу «Энергия: обратный отсчет» (1978 г.).

Каким образом включение России в НАТО может быть осуществлено на практике, Бжезинским подробно описано все в той же «Великой шахматной доске» задолго до начала расширения НАТО: «...В то время как все вновь обретшие независимость западные соседи России хотят иметь с ней стабильные и конструктивные отношения, ...они продолжают опасаться ее по исторически понятным причинам. Следовательно, появление равноправного договора НАТО/ЕС с Россией приветствовалось бы всеми европейцами как **свидетельство того, что Россия наконец делает долгожданный после развала империи выбор в пользу Европы.**

...Российской политической верхушке следует понять, что для России задачей первостепенной важности является модернизация собственного общества, а не **тщетные попытки вернуть былой статус мировой державы. Ввиду колossalных размеров и неоднородности страны децентрализованная политическая система на основе рыночной экономики** скорее всего высвободила бы творческий потенциал народа России и ее богатые природные ресурсы. ...**Децентрализованная Россия** была бы не столь восприимчива к призывам объединиться в империю. **России, устроенной по принципу свободной конфедерации,** в которую вошли бы Европейская часть России, Сибирская республика и Дальневосточная республика, было бы легче развивать... и т.д.»¹¹ (курс. – Авт.).

Эти «старые песни о главном», что волнует англосаксонский Запад, – расчленении России и выделении из нее, наряду с пресловутой «Ингерманландией», еще и «Московии», «Идель-Урала», «Западно-Сибирской» и «Дальневосточной» республиками и другими сепаратистскими анклавами – не являются изобретением Бжезинского.

Основатель СМО и ближайший советник президента США В. Вильсона полковник Хаус в 1918 г. писал: «...Остальной мир будет жить более спокойно, если вместо огромной России в мире будут четыре России – Сибирь и поделенная европейская часть страны»²⁶.

Наиболее подробно планы расчленения России с созданием на территории СССР четырех территориальных «рейхскомиссариатов» – «Москва», «Остланд», «Украина» и «Кавказ», были разработаны в рамках гитлеровского «Генерального плана «Ост». В посвященной данному вопросу статье главного редактора журнала «Обозреватель–Observer» В.В.Штоля указывается, что идеологическое обеспечение этих планов уходит корнями в соединение идей Т. Мальтуса – главного теоретика снижения рождаемости неевропейских народов, считающегося одним из предшественников нацизма, с концепцией «жизненного пространства», что обеспечило тесную взаимосвязь в ней экономических и демографических факторов²⁷.

Поэтому не выглядит случайным, что сегодня эти планы «оживают» не кто-нибудь, а федеральный канцлер Германии А.Меркель, признающая, что в Европейском союзе рассматривается вопрос о сепаратном, отдельном от остальной России введении безвизового режима с Калининградской областью²⁸.

Обсуждение всех этих планов не стоило бы бумаги, на которой оно происходит, если бы не появление в середине ноября 2010 г. весьма странного «документа», выдержки из которого были приведены газетой «Ведомости».

Итак: «В правительстве и администрации президента работают над совер-

шенствованием территориальной организации России...

Сейчас 90 процентов городов России – малые города с населением до 100 тыс. человек, половина из которых монопрофильные: их производство адаптировано к одному сегменту рынка. Из-за этого в стране кризис городского расселения: население большей части моногородов законсервировано, возможностей для восстановления его потенциала нет...

Развивать малые города бесперспективно. Надо идти другим путем: создать общие условия для ускоренной миграции населения из монопрофильных городов в большие...

В документе приводится примерный каркас поселенческой структуры России: он будет состоять из 20 крупных агломераций с населением более 1 млн. человек...»²⁹.

По приведенной в газете карте³⁰ видно, что три четверти страны от Урала до Тихого океана, за исключением узкой полоски вдоль Транссиба, полностью свободны от всяких «агломераций». Это означает фактический отказ от российского присутствия на собственных огромных пространствах, представляющих собой кладовые тех самых природных ресурсов, которые, по «глобальному плану» Римского клуба, должны войти в «глобальное общее достояние».

С одной стороны, налицо продолжение ликвидации «неперспективных» поселений, предложенной еще в советские годы академиком Т.И.Заславской. Вслед за включенными в ее проект деревнями сегодня предлагается пустить «в расход» и большую часть промышленности вместо того, чтобы ее восстанавливать и поднимать.

С другой стороны, как показано В.В.Штолем, реализация гитлеровского «Генерального плана “Ост”» предусматривала взаимодействие двух концептуальных составляющих: «народ без пространства» и «пространство без

народа». Европейские народы и, прежде всего, немецкий народ предполагалось «наделить пространством» за счет его изъятия у славянских народов, в первую очередь русского²⁷.

Речь, таким образом, идет о попытке реализации плана «Ост» уже не военным, а «мирным» путем – стратегии, которая рассчитана на ликвидацию нашей страны и осуществляется уже на протяжении нескольких десятилетий. Но тогда понятно, что это замысел никак не внутреннего центра принятия решений, а внешнего, управляющего внутренним как своим вассалом.

Если приведенный «Ведомостями» «документ» не является «вброшенной» кем-то провокационной фальшивкой или продуктом «большого воображения» очередного либерала-западника, перевозбужденного ненавистью к собственной Родине, то это тогда или глупость, или предательство?

Если последнее, то кем конкретно и в чьих интересах оно совершается?

В каком соотношении находятся эти планы с деятельностью вышеупомянутого штаба «Модернизация»?

Вопросы риторические. Стремление «освободить территорию от людей», означающее полную ликвидацию страны, взращенная «перестройкой» либеральная «пятая колонна» вынашивает уже давно. Сегодня, в рамках «консенсуса Юргенса-Белковского» к этой когорте усиленно пытаются присоединить наиболее маргинальную часть националистов, усиленно пестующих уже не этнический, а региональный сепаратизм.

Итак, НАТО не в состоянии «переварить» Россию целиком, поэтому определенными внешними силами при поддержке откровенных компрадоров в российской элите и их маргинальной «массовки», взят курс на разрушение страны и ее включение в Североатлантический альянс по частям.

Для чего? Чтобы под видом «агломераций» ускорить реализацию планов либерального «ликвидационного комитета» по передаче под международный контроль отечественных природных ресурсов, за что ратует Г.Х.Попов?

Или чтобы руками российских солдат на российской же территории воевать за американские интересы против Китая и Ислама?

А, может быть, то и другое вместе взятое?

Кто-нибудь готов сегодня аргументировано, с цифрами и фактами в руках опровергнуть эти предположения?

Между тем, ноябрьский саммит «Россия – НАТО» в Лиссабоне показал, что в Североатлантическом альянсе уже не считают необходимым прикрывать свои экспансионистские устремления «партнерской» риторикой, а по «перестроечной» логике ждут от Москвы полной сдачи позиций и фактической капитуляции. Следует предположить, что если этого не произойдет, то против нас будут задействованы различные механизмы – от гонки вооружений и сползания к холодной войне до попыток внутренней дестабилизации и возобновления российско-американского и российско-европейского противостояния на постсоветском пространстве.

«Укрепление трансконтинентального геополитического плюрализма должно рассматриваться не как самоцель, а только как средство для достижения среднесрочной цели по установлению по-настоящему стратегических партнерств в основных регионах Евразии», – напутствует Бжезинский своих преемников, будущих «архитекторов» американской внешней политики¹¹.

Российской Федерации сегодня как никогда необходима контригра – адекватная, проектная, выстроенная на прочной цивилизационной основе и императивах постсоветской интеграции, а не на рыхлом «фундаменте» «демократии», «прав человека», «рынка» и других атрибутов концепции «устойчивого развития», включая гитлеровскую концепцию «освобождения земли от людей».

Именно поэтому нынешняя активность российских партнеров ИФРИ, в особенности ИНСОР, выглядит особенно двусмысленно. В последние месяцы председателем правления этого фонда Юргенсом целенаправленно «разминается» тема интеграции России с НАТО, в рамках подготовки к которой, собственно, и проводится «сердюковская» военная реформа, призванная адаптировать под стандарты альянса российские вооруженные силы.

Главой ИНСОР применяется достаточно банальный метод, уже использованный при подготовке общественности к повышению пенсионного возраста: вбрасывать соответствующую информацию, а затем ее то ли опровергать, то ли просто не подтверждать и вновь вбрасывать, имитируя некую дискуссию. И так, шаг за шагом, продвигаться вперед, к намеченной цели.

После выступления в Ярославле (9 сентября 2010 г.), в котором Юргенс откровенно высказался за вступление России в НАТО, последовал «шаг назад», сделанный им на круглом столе, прошедшем 27 октября 2010 г. в Институте актуальных международных проблем (ИАМП) Дипломатической академии МИД России*.

Геополитические аспекты глобального управления, разумеется, – спе-

* Юргенс выступал на нем с основным докладом на весьма характерную тему «Россия и НАТО: союзники или партнеры».

циальная и достаточно специфическая тема, требующая отдельного рассмотрения. Предпринятый здесь краткий исторический экскурс, подобно экскурсу, открывшему нам нацистские корни ряда современных европейских и глобальных институтов, прежде все-

го Социнтерна и Совета Европы, позволяет с помощью частного примера глубже раскрыть антироссийскую направленность деятельности сетевых структур глобального управления, выстраиваемой на основе концепции «устойчивого развития».

«Новый консенсус» и «предотвращение»

Мы уже упоминали о системе коллективной безопасности, соединяющей глобальное экономическое и глобальное политическое управление и составляющей фундамент глобального сетевого субъекта власти.

В докладе «НГС», а также последующих документах ООН, прежде всего, в докладе Группы высокого уровня ООН «Более безопасный мир...», создание системы коллективной безопасности увязывается с общими ценностями, в отношении которых предлагается сформировать «новый консенсус».

Объектом «нового консенсуса» признается «безопасность», не только трактуемая двояко*, но и своеобразно понимаемая – в качестве инструмента глобального контроля, базирующегося на «общих ценностях». По-видимому это логично, особенно если вспомнить, что ценности легко трансформируются в «права и обязанности» и далее в «качество глобального управления».

Поэтому логика строительства «нового консенсуса», изложенная в резюме, предваряющем доклад «Более безопасный мир...», выглядит следующим образом: «...Необходимо прежде всего добиться понимания того, что...:

– главными действующими лицами ...по-прежнему являются отдельные суверенные государства...;

– однако в XXI веке ...ни одно государство не может опираться только на свои силы.

...Коллективные стратегии, коллективные учреждения и чувство коллективной ответственности совершенно необходимы.

Аргументы в пользу системы коллективной безопасности имеют под собой три основы. Сегодняшние угрозы пересекают национальные границы, взаимосвязаны и должны устраняться на глобальном и региональном, а также национальном уровне. Ни одно государство ...не может самостоятельно оградить себя от современных угроз. Нельзя также (*sic!*) считать само собой разумеющимся, что **всегда будут иметься возможности (!) и желание (!!)** выполнить свои обязанности по защите своего народа, не нанося при этом ущерба своим соседям.

Поэтому ...какую-то часть этой ответственности должно брать на себя международное сообщество, действуя в соответствии с Уставом ООН и Всеобщей декларацией прав человека (!!!)...»⁴.

Итак, государства хоть и суверенны, но лишены возможности, а иногда и воли обеспечить «защиту своего народа». Особенно в том случае, если они

* Как указывают специалисты аналитического центра «Намакон», в США «...после Второй мировой войны понятие «безопасность» (*security*) было отделено от понятия обороны (*defence*) как комплекс превентивных мер по предотвращению национальных угроз. Согласно «Закону о национальной безопасности США» (1947 г.), вопросы обороны находятся в компетенции Министерства обороны, вопросами национальной безопасности ведает Совет национальной безопасности (СНБ)... С этого времени, – отмечают эксперты центра, – в американской стратегической культуре произошло разделение категорий *danger* (потенциальная угроза) и *threat* (непосредственная угроза)...»³¹.

настолько вовлечены в международные обязательства, что всерьез опасаются защищать свой народ, в том числе и от подрывных действий изнутри, чтобы не оказаться под огнем критики извне – как злостные нарушители «священной и неприкосновенной» декларации «прав человека». Для этогоственные субъекты в этих государствах должны быть подготовлены, воспитаны и расставлены таким образом, чтобы давать этой глобалистской декларации и интересам «мирового сообщества» (а на самом деле – глобальной олигархии) приоритет перед суверенитетом и интересами собственной страны и своего народа. За этими субъектами, кроме того, необходим неусыпный контроль – чтобы ненароком не «переродились» обратно или не были сброшены силами, которые позиционируют себя независимо от системы, формируемой «глобальным планом» Римского клуба.

Для иллюстрации попытаемся представить себе, что где-нибудь в августе 1941 г. «мировое сообщество», на основании «приоритетности» отстаиваемых им «общечеловеческих» интересов над национальными интересами СССР, потребовало бы от нашей страны заключить перемирие с Гитлером ввиду того, что продолжающиеся на советско-германском фронте боевые действия «наносят ущерб окружающей среде».

Представим себе, что советское руководство, одержимое осознанием «высшей ответственности перед человечеством», согласилось бы на это условие, превратив линию фронта, скажем, на 1 сентября 1941 г. в новую государственную границу.

Каково??

А ведь именно это, по сути, предлагает нам Группа высокого уровня ООН!

Продолжаем следить за логикой формирования «нового консенсуса»: «...Суть

этого консенсуса проста: мы все отвечаем за безопасность друг друга...

...Если государства-члены (ООН – Авт.) не придут к согласию относительно консенсуса по вопросам безопасности (разумеется, в американской трактовке – Авт.), содержащегося в настоящем докладе, ООН будет работать ниже своих возможностей. Ее учреждения будут по-прежнему оставаться лишь настолько сильными, насколько много энергии, ресурсов и внимания уделяют им государства-члены и их руководители»⁴.

Значит, если Россия не станет беспокоиться о безопасности США больше, чем о своей собственной, ООН так и не выйдет на заданный ей «глобальным планом» режим «устойчивого» глобального управления. И, ввиду этого, останется в определенной зависимости от решений, принимаемых не только в Белом доме или Букингемском дворце, но и в Кремле. А это, разумеется, недопустимо!

Если же серьезно, то ничто не гарантировало (и не гарантирует) взаимную безопасность как ядерных, так и неядерных держав более надежно, чем устойчивый (в данном случае без кавычек) баланс сил, построенный на рациональном и скрупулезном расчете, а не на попытке обмануть друг друга подменой этого расчета мифологическими «общими ценностями».

Очевидная и «железобетонная» логика этого тезиса, понятная апологетам реалистической школы самого Запада, вынуждает подозревать противостоящих им и засевших в ключевых ООНовских учреждениях «либеральных идеалистов» либо в попытках преднамеренного обмана мировой общественности с целью узурпации глобальной власти, либо в прогрессирующей неадекватности. Попросту говоря, в маразме!

Следующий важный момент.

Авторы доклада – члены Группы высокого уровня ООН по угрозам, вызовам и переменам, выделяют шесть основных блоков угроз. Мы о них упоминали, но лишь косвенно, в поисках доказательств смены экологических и экономических приоритетов деятельности институтов глобального управления политическими и военными.

Сейчас же настало пора самостоятельного и, следовательно, более подробного рассмотрения этого перечня. (Как всегда, приведенные ниже выдержки снабжены комментариями, которые принадлежат автору статьи, выделены и помечены в скобки): «Любое событие или процесс, которые ...ослабляют государства как базовые элементы международной системы, представляют собой угрозу международной безопасности. Если исходить из этого определения, то существует шесть блоков угроз...»:

– экономические и социальные угрозы, включая нищету, инфекционные болезни и экологическую деградацию (*здесь приводится хорошо знакомая нам по "НГС" проблематика "устойчивого развития", расширенная за счет включения части "Целей развития тысячелетия"*);

– межгосударственный конфликт (*вряд ли случайно, что доклад уклоняется, скажем, от такого важного вопроса, как определение агрессора*);

– внутренний конфликт, включая гражданскую войну, геноцид и другие массовые зверства (*для нас здесь особенно важен вопрос о том, какие гражданские конфликты могут служить поводами для внешнего вмешательства, а какие нет: ясно, например, что осуществить "гуманитарную интервенцию" в Боснии и Герцеговине в 1995 г. или в Косово в 1999 г. это одно, а вмешаться в обусловленный двоевластием внутренний конфликт 1993 г. в России, обладающей мощным ядерным потенциалом, – совсем другое*);

– ядерное, радиологическое, химическое и биологическое оружие (*как быть*

с тем, что Израилю, например, ядерное оружие иметь "можно", а его соседям "нельзя"; кроме того, непонятно, каким способом ядерные державы могут и должны парировать обвинения в якобы необоснованности их "исключительности", ведь при дальнейшем снижении своего ядерного потенциала Россия, переживающая "сердюковскую" реформу, может оказаться беззащитной перед угрозой внешней агрессии и т.д.);

– терроризм (непонятно, как отличить "настоящий" терроризм от провокаций, затеянных для того, чтобы "развязать руки" собственным захватническим амбициям);

– транснациональная организованная преступность (спорных вопросов, связанных с политической конъюнктурой, как мы понимаем, и здесь множество, хотя есть и примеры успешного сотрудничества: например, в рамках Европейского союза или СНГ).

...Необходимо проводить различие между ситуациями, когда государство заявляет, что оно действует в порядке самообороны; ситуациями, когда государство создает угрозу другим вне своих границ; и ситуациями, когда угроза носит, главным образом, внутренний характер, а речь идет об обязанности государства защитить свое собственное население.

Во всех случаях, как мы считаем, Устав ООН, если его (*sic!*) правильно понимать и применять (!), позволяет справиться с задачей: ст. 51 не требует ни расширения, ни ограничения ее давно осмысленной сферы охвата, а гл. VII предоставляет Совету Безопасности все полномочия заниматься (*sic!*) любого рода угрозой...». (*Два встречных вопроса: оказались ли ст. 51 и гл. VII Устава ООН адекватными в случаях с Косово и Южной Осетией, а также что, кроме права «вето» в Совете Безопасности ООН и ракетно-ядерного щита, способно защитить Российскую Федерацию, скажем, при крупной техногенной катастрофе, если кто-то сочтет, что государственное руководство страны не выполняет своих обязанностей по защите населения?*)⁴.

Частичный ответ на один из этих вопросов, правда, дали сами члены Группы высокого уровня ООН: «Если говорить о Косово, то (sic!) паралич, охвативший Совет Безопасности, вынудил НАТО действовать в обход ООН»⁴. Когда Россия в рамках своего понимания ситуации отреагировала на грузинскую агрессию против Южной Осетии, «паралич» охватил Совбез уже по причине российского «вето». Только вот продемонстрированная Москвой решимость отстоять свои интересы отнюдь не встретила в ООН такого же понимания, как в случае с США и НАТО.

Что касается второго из поставленных нами риторических вопросов, то нет сомнений, что вместо прямого ответа мы услышим от адептов «устойчивого развития» обвинения автора статьи в «коммунизме/национализме» (нужное подчеркнуть), «отсталости мышления», а также приверженности «стереотипам», «игре с нулевой суммой», etc.

Мы же, в свою очередь, обратим внимание на приведенные в докладе «Более безопасный мир...» критерии (или руководящие принципы), соответствие которым, по мнению участников Группы высокого уровня ООН, должно являться определяющим при решении вопроса: «разрешить применение силы или применить ее». Среди них: серьезность угрозы, правильность цели, крайность и соразмерность этого средства, сбалансированность учета последствий⁴.

Даже при поверхностном (разумеется, непредвзятом) рассмотрении видно, что предложенные критерии настолько расплывчаты и зависимы от субъективного восприятия конкретной ситуации, что запросто могут быть (и будут!) повернуты в нужную сторону – в соответствии с известным принципом: «кто

сильнее – тот и прав». Стало быть, главной отличительной чертой приведенного в докладе перечня современных угроз являются заложенные в каждый из этих пунктов «двойные стандарты», оправдываемые, ни много – ни мало, (sic!) способностью «правильно понимать и применять» Устав ООН.

Трудно назвать это двусмысленное, лишенное всяких остатков морали утверждение членов Группы высокого уровня иначе, чем верхом отпетого цинизма!

Движемся дальше.

Ключевым методологическим принципом функционирования «системы коллективной безопасности» – здесь мы потихоньку приближаемся к главному – является принцип ПРЕДОТВРАЩЕНИЯ.

Зафиксировав это, извлечем из доклада «Более безопасный мир...» и представим на суд общественности меры, предлагаемые членами Группы высокого уровня ООН в плане предотвращения по всем шести основным блокам угроз.

Начнем с «предотвращения» по углорозе № 1 («нищета, инфекционные болезни и экологическая деградация»).

«...Все государства должны подтвердить свою приверженность целям ...содействия устойчивому развитию.

...Правительства-кредиторы и международные финансовые учреждения должны предоставить бедным странам с крупной задолженностью более значительную помощь в плане облегчения долгового бремени, удлинить сроки погашения долга и облегчить доступ к глобальным рынкам.

...Члены Всемирной организации здравоохранения (ВОЗ) должны предоставить больше ресурсов сети ВОЗ ...с тем, чтобы повысить ее способность справляться с возможными вспышками болезней.

Чтобы решить проблемы, связанные с изменением климата, страны с современ-

ной экономикой должны ослабить свою зависимость от углеводородов и предпринять новые усилия ...по выработке стратегий развития, не оказывающего негативного воздействия на климат...

...Мы настоятельно призываем ...**размышлять над разрывом между надеждой, воплощенной в Киотском протоколе, и степенью его выполнения, вновь обратить внимание на проблему глобального потепления и начать новые переговоры с целью выработать новую долгосрочную стратегию сдерживания глобального потепления на период после промежутка времени, охватываемого в Протоколе**⁴ (выд. в документе – Авт.).

Итак, чтобы подтвердить «приверженность устойчивому развитию» от развитых стран (включая Россию) требуется больше прощать и давать как должникам, так и глобальным финансовым институтам, ибо они формируют бюджет «борьбы с нищетой» за счет государственных взносов. При этом нашей стране, как уже отмечалось, настоятельно рекомендуется не обращать внимания на бедность собственного населения.

Еще необходимо укреплять глобальные министерства – в лице Всемирной организации здравоохранения, расширяя масштабы глобального управления и, опять-таки, обходя собственные проблемы в сфере охраны здоровья.

Но главное – опять актуализируется проблема так называемого «глобального потепления» и под его предлогом предписывается настойчиво двигаться в направлении установления контроля над природными ресурсами, которые, надо полагать, как можно скорее должны превратиться в «глобальное общее достояние».

Кроме того, ставится задача «продержать», наконец, пролонгацию Киотского протокола.

«Первому миру», то есть развитым странам Запада, при этом обещана беспрепятственная скупка за бесценок в развивающихся странах природных ресурсов под «благородным» прикрытием их допуска на глобальные рынки, а также, если припомнить злополучный «датский текст», двукратное преимущество по квотам на «парниковые выбросы» на душу населения по сравнению с развивающимися странами.

Напомним, что торговля этими квотами также предоставит новую возможность круто «заработать» глобальным олигархическим банкам.

«Предотвращение» по угрозам № 2 и № 3, то есть по конфликтам.

Особо примечательно, что Группой высокого уровня Организации Объединенных Наций эти два блока угроз объединяются. Именно в этом проявляется себя логика всего глобально-управленческого процесса в целом.

Вспомним доклад «НГС», где впервые ставился вопрос о «гуманитарном вмешательстве» как инструменте внешнего воздействия на внутренние проблемы.

За десятилетие, «благодаря» опыту, накопленному Соединенными Штатами Америки и Североатлантическим блоком в бывшей Югославии, Афганистане и Ираке, ситуация дозрела для того, чтобы встать на прочный практический фундамент Комиссии ООН по миростроительству. А заодно, по принципу детской пирамидки, «нанизать» на стержень этой «соединенной» угрозы внешних и внутренних конфликтов остальные четыре «блока угроз».

«Роль ООН в предотвращении войн можно укрепить, уделив больше внимания разработке международных режимов и норм, регулирующих некоторые из источников и ускорителей конфликтов...

Совет Безопасности должен быть постоянно готов воспользоваться полномочи-

ями, которыми он обладает в соответствии с Римским статутом, для передачи дел в Международный уголовный суд.

ООН должна совместно с национальными властями, международными финансовыми учреждениями, организациями гражданского общества и частным сектором разработать нормы, регулирующие (sic!) рациональное использование природных ресурсов, для стран, выходящих из состояния конфликта или находящихся на грани конфликта.

ООН должна стремиться более тесно взаимодействовать с региональными организациями, которые (sic!) взяли на себя ведущую роль в создании рамочных механизмов предотвращения...

ООН должна опираться на опыт региональных организаций в разработке рамочных норм в отношении прав меньшинств и демократически избранных правительств от их отстранения от власти не-конституционным путем.

ООН может также способствовать предотвращению межгосударственных конфликтов посредством повышения уровня транспарентности в отношении запасов обычного оружия, имеющихся у государств...

Некоторые ...международные НПО в последние годы играли заметную роль в своевременном представлении информации, анализе ситуации и (sic!) пропагандистской работе... Кроме того, ...исследовательские учреждения (как академические, так и в составе других международных организаций) начали собирать необходимые данные и результаты углубленных аналитических исследований о различных причинах и ускорителях разного рода конфликтов.

В своих усилиях по предотвращению вспышек насилия внутри стран ООН добивалась меньших успехов, чем в своих усилиях по предотвращению войн между государствами, поскольку этим усилиям часто мешает (sic!) нежелание государств-членов допустить, чтобы их внутренние дела стали объектом международного внимания. Однако можно и должно прило-

жить большие усилия в этой области, ...назначить умелых, опытных и известных во всем регионе посредников и специальных представителей...

Мы призываем национальных лидеров и стороны в конфликте конструктивно использовать инструмент превентивного развертывания⁴ (выд. в документе – Авт.).

Во-первых, регулирование «источников и ускорителей» конфликтов тесно увязывается с взаимодействием с региональными организациями – эвфемизмом НАТО и, отчасти, ОБСЕ.

В любом конфликте – внутреннем или международном – как минимум две стороны.

В соответствии с принципом «двойных стандартов» (в отсутствии определения агрессора) одним, например, боснийским мусульманам или косовским албанцам дается «зеленый свет», а других – сербов Боснии, Хорватии и Косова, да и самой Сербии – напротив, «регулируют» с помощью «ускорителей», то есть сил НАТО.

Это и называется «взять на себя ведущую роль» в деле предотвращения, пусть и в обход ООН, которой предписывается закрывать глаза на односторонний характер действий Североатлантического альянса и «опираться» на его «опыт» как образец инициативных «превентивных» и «миротворческих» усилий.

Членам Совета Безопасности ООН, по мнению участников Группы высокого уровня ООН, тем временем надлежит заниматься поисками потенциальных обвиняемых в оккупированных натовскими «миротворческими» миссиями странах, которых можно было бы передать Международному суду.

И все это объясняется не чем иным, как международным правом, в котором, кстати говоря, «двойной стандарт» возведен в норму: одновременно

говорится и о самоопределении, и о территориальной целостности*.

Во-вторых, понятны переживания авторов доклада по природным ресурсам «регулируемых» участников конфликта.

«Международные финансовые учреждения» и «частный сектор», надо полагать, должны заниматься их «рациональным» разделом, а прикормленные лидеры организаций «гражданского общества» будут обеспечивать давление на «национальные правительства», чтобы раздел пошел в «правильном» направлении. Иначе страна, «выходящая из конфликта», при «неправильном поведении» ее элиты может вновь оказаться «на грани конфликта».

В-третьих, поощряется любая деятельность «исследовательских учреждений», «международных организаций» и НПО, направленная на сбор и анализ информации, позволяющей управлять конфликтом с помощью «ускорителей» из НАТО и ОБСЕ.

Если же это осуществляется вопреки государственным интересам, в регион предлагается внедрить «умелых, опытных и известных» «посредников и специальных представителей». (К примеру, направить в критический момент в Югославию Черномырдина, на Украину – Квасьневского, а в Закавказье – идеолога «эксплуатации критичности» С.Манна).

В-четвертых, в пример всем ставится Македония.

Осознав, что вмешательство НАТО все равно неизбежно, власти этой страны, в которой проживает значительная албанская диаспора, пригласили миротворческую миссию Североатлантического альянса превентивно, то есть сдали позиции, не дожидаясь против себя провокаций, подобных косовским.

«Предотвращение» по угрозе № 4 («ядерное, радиологическое, химическое и биологическое оружие»).

«Сейчас необходима многовекторная деятельность.

Первый вектор ...предотвращения распространения ядерного, радиологического, химического и биологического оружия должен быть направлен на глобальные механизмы, уменьшающие спрос на эти виды оружия.

Второй вектор должен быть направлен на глобальные механизмы, регулирующие предложение с тем, чтобы как у государств, так и у негосударственных субъектов было меньше возможностей приобретать оружие, а также материалы и знания, необходимые для его производства.

Третий вектор – это принудительные меры, принимаемые Советом Безопасности, опирающиеся на совместный сбор и анализ достоверной информации.

Четвертый вектор – это национальные и международные меры в области гражданской обороны и здравоохранения.

...Несмотря на обязательства Совета Безопасности (резолюция 984 [1995 г.]), ...государства, обладающие ядерным

* При формальном равенстве этих принципов в Уставе ООН, принципу «самоопределения» все равно отдается приоритет. Во-первых, «равноправие и самоопределение» этим документом отнесены к целям и поставлены выше принципов «суверенного равенства», «территориальной целостности и политической независимости»; последние вообще упоминаются не самостоятельно, а в контексте обязанности членов ООН воздерживаться от их нарушения. Во-вторых, правовые основы самообороны от агрессии в Уставе никак не связываются с защитой ни территориальной целостности жертвы агрессии, ни ее политической независимости; в то же время, накладываются ограничения (причем не конкретизированные) на пределы самообороны. В-третьих, внешнее вмешательство во внутренние дела не запрещается, а лишь ограничивается; для этого может быть создана законная основа, причем в случае даже не нарушения, а угрозы нарушения мира³².

оружием, проявляют все меньше готовности предоставлять гарантии в отношении его неприменения...

Государства, обладающие ядерным оружием, должны сделать несколько шагов для того, чтобы возобновить движение по пути разоружения.

...В 2000 г. государства, обладающие ядерным оружием, обязались принять 13 практических мер по ядерному разоружению, однако они отказались от таких мер на сессии Подготовительного комитета, проведенной в 2004 г. в рамках подготовки к Конференции 2005 г. участников ДНЯО* по рассмотрению действия Договора.

...Мы считаем важным, чтобы Совет Безопасности взял на себя (sic!) **прямое обязательство принимать коллективные меры в ответ на ядерное нападение или угрозу такого нападения на государство, не обладающее ядерным оружием.**

...Уведомление того или иного государства о выходе из ДНЯО должно приводить к немедленной проверке выполнения им положений Договора, если необходимо – с санкциями Совета Безопасности...»⁴ (выд. в документе – Авт.).

Во-первых – и это главное: от государств, владеющих ядерным оружием, в том числе и от России, требуют постоянно сокращать его арсеналы. А также, что для нашей страны абсолютно неприемлемо, пытаются заставить такие государства отказаться от ядерных ударов по неядерным странам, привлекая к решению этой задачи Совет Безопасности ООН. Нетрудно

представить сценарий, при котором Россия или ее союзники по Организации Договора о коллективной безопасности (ОДКБ) станут жертвами широкомасштабной агрессии.

Обязаны ли мы предвидеть такой сценарий? Обязаны!

Должны ли мы в случае его реализации отказаться от защиты своих национальных интересов, суверенитета и территориальной целостности во имя «идеалов», с которыми носится Группа высокого уровня ООН?

Разумеется, нет!

Тем более, что при наступлении критических для национальной безопасности ситуаций действующая редакция Военной доктрины РФ предусматривает возможность нанесения по возможному агрессору упреждающего ядерного удара, не дожидаясь самой агрессии.

К тому же у России нет ни права, ни оснований следовать в фарватере сторонников «практических мер по ядерному разоружению».

Это – не для нас!

Во-вторых, из приведенных фрагментов ясно следует, что основным инструментом преодоления угрозы распространения ядерного и других видов оружия массового поражения Группа высокого уровня ООН считает снижение экономических возможностей владеющих или претендующих на владение ими стран, а также разрушение со-

* Договор о нераспространении ядерного оружия (ДНЯО) – многосторонний международный акт, подписанный СССР, США, Великобританией и другими государствами. Открыт для подписания 1 июля 1968 г., вступил в силу 5 марта 1970 г.; продлен бессрочно в мае 1995 г. ДНЯО обязывает ядерные державы не передавать неядерным странам ядерное оружие и контроль над ним, не помогать им в его приобретении или производстве.

Неядерные государства обязаны не принимать ядерное оружие, не производить его, не испытывать и не добиваться в этих целях чьей-либо помощи, а также заключить с Международным агентством по ядерной энергии (МАГАТЭ) соглашения, предусматривающие контроль с его стороны за всей их ядерной деятельностью.

Договор не препятствует любой стране развивать исследования, производство и использование ядерной энергии в мирных целях⁶.

ответствующих научных потенциалов и производственных мощностей.

Чем ниже уровень их развития – тем спокойнее, надо полагать, чувствуют себя глобально-олигархические «частные и независимые группы». Они прекрасно осознают, что без развития современных технологий развивающиеся страны никогда не обеспечат себе энергетической самодостаточности, стремление к которой обычно преподносится в виде попыток обретения ядерного оружия.

Главная цель англосаксонского Запада – коррумпировав элиты этих стран, навсегда превратить их в нищее, зависящее от подачек так называемого «мирового сообщества», «агрессивно-послушное» проамериканское большинство Генеральной Ассамблеи ООН и «глобального гражданского общества».

Разумеется, афишировать эту цель никто не станет. Наоборот, будут всячески ее скрывать, в том числе с помощью подобных докладов и других документов.

Страховочным механизмом от несогласных являются применяемые к ним «принудительные меры», облеченные в форму «глобальных механизмов»: от санкций до «гуманитарных интервенций».

Все это не оставляет камня на камне ни от идеологемы «Мы, народы...», ни, тем более, от концепции «устойчивого развития», раскрывая ее истинный деструктивный и разрушительный смысл.

В-третьих, очевидно, что радиологическое, химическое и биологическое оружие подверстаны к ядерному в основном ради того, чтобы расширить спектр «глобальных механизмов» и, следовательно, поводов для вмешательства. Отсюда – предложение драконовских мер по отношению к желающим выйти из ДНЯО.

Принцип «двойных стандартов» здесь прямо-таки торжествует: то, что сходит с рук Индии и Пакистану, ни в коем случае недопустимо, например, в случае с Ираном. Не только потому, что это поставит в сложное положение всячески оберегаемый от любых санкций ядерный Израиль, но и, например, Саудовскую Аравию, атомная бомба у которой неизбежно появится на следующий же день после иранской.

Все это немедленно заведет в тупик всю ближневосточную стратегию США, главными объектами которой, в соответствии с известным планом «Большого Ближнего Востока», являются как раз Иран и Саудовская Аравия.

«Предотвращение» по угрозам № 5 («терроризм») и № 6 («транснациональная организованная преступность»):

«...Глобальная стратегия по борьбе с терроризмом ...затрагивает основные причины и укрепляет ответственные государства, верховенство право и основополагающие права человека. Необходима всеобъемлющая стратегия, включающая ...меры принуждения, но являющаяся более широкой, чем эти меры. ООН – при ведущей роли Генерального секретаря – должна содействовать такой ...стратегии, которая включает:

а) сдерживание, осуществляемое с целью опрокинуть причины терроризма или тех, кто способствует терроризму, в том числе посредством поощрения социальных и политических прав, верховенства права и демократических реформ...;

б) усилия по борьбе с экстремизмом и нетерпимостью...;

с) разработка более действенных инструментов для глобального сотрудничества в борьбе с терроризмом, причем... основанных на уважении к гражданским свободам и правам человека...;

д) наращивание потенциала государств по предотвращению террористической вербовки и террористических операций;

е) контроль над опасными материалами и меры по охране здоровья населения.

...Совет Безопасности после консультаций с затронутыми этой проблемой государствами должен расширить полномочия Исполнительного директората Контртеррористического комитета с целью выполнения этой функции.

Борьба с организованной преступностью требует более эффективных международных регулирующих рамок и более широких усилий по укреплению потенциала государств в области верховенства права...

Совет Безопасности должен обеспечивать эффективное осуществление и обеспечение санкций...»⁴ (выд. в документе – Авт.).

Итак, от ООН требуется выработка «всеобъемлющей стратегии», которая включает «опрокидывание» причин терроризма или его пособников, а также централизованный ООН-овский контроль над опасными (в том числе ядерными) материалами и мерами по охране здоровья. Предлагается расширить функции соответствующих международных структур и практику применения санкций.

Как говорил В.И.Ленин, по форме все правильно, по существу – издевательство. Ибо дьявол опять скрывается в деталях.

Во-первых, все предлагаемые меры пропускаются через призму «верховенства права» и «прав человека», а также «социальных и политических прав», то есть носят односторонний характер, ибо базируются на упоминавшемся ранее прецедентном праве, свойственном не мировой, а сугубо англосаксонской традиции судопроизводства.

Запад, по справедливому заключению Э.А.Азроянца, является «единственной нетрадиционной цивилизацией, которая выше ставит не консенсус и традиции, а право, законы и контракты»⁶.

Главная формула С.Хантингтона – *«The West and the Rest»* – сталкивает не всех со всеми, а противопоставляет

всем Запад. Ф.Фукуяма же с его «концом истории» – это полная и окончательная цивилизационная победа Запада над всем остальным человечеством.

Для несогласных же с превращением планеты в «глобальный скотный двор» у авторов доклада не находится ничего более содержательного, чем «превентивные» обвинения в «экстремизме и нетерпимости», носителям которых планируется объявить беспощадную войну с привлечением к ней Совета Безопасности ООН.

Во-вторых, лейтмотивом всех предлагаемых мер служит усиление управляемости глобальными процессами.

Создается впечатление, что терроризм и организованная преступность – не более чем повод для того, чтобы с помощью ООН взять глобальную ситуацию под полный контроль «частных и независимых групп», то есть расширить полномочия и возможности глобально-управленческой сети до фактического уровня «мирового правительства».

В-третьих, нельзя не видеть, что понятия «терроризм» и «организованная преступность» трактуются однобоко – с позиций интересов Запада.

Членами Группы высокого уровня ООН даже не рассматриваются широко обсуждаемые варианты с использованием терроризма в провокационных целях самим Западом.

Так, авторы доклада «Более безопасный мир...» неоднократно возвращаются к теме и событиям 11 сентября 2001 г., но не выходят за рамки официальной агитационно-пропагандистской версии об ответственности за них О. бен Ладена.

Между тем, эта версия обрастает подробностями более важными, нежели широка известная причастность к созданию «Талибана» и «Аль-Каиды» американских и пакистанских спецслужб.

Так, Д.Эстулин приводит информацию о контактах ЦРУ с представителями талибов летом 2001 г. в Берлине, когда назывался конкретный срок террористической атаки – не позднее октября, а также об осуществленном в июне 2001 г. переподчинении вице-президенту США Р.Чейни части ключевых полномочий по управлению НОРАД (объединенной системой ПВО Северной Америки), что, возможно, объясняет, почему при захвате террористами пассажирских самолетов в воздух не были подняты американские истребители-перехватчики и т.д.

Указывается на общий бизнес семейств Бушей и бен Ладенов, связанный с компанией «*Carlyle Group*», и на их со-

вместную ставку на «Талибан» как инструмент стабилизации Афганистана – для проведения через его территорию трубопровода ТАПИ (Туркменистан – Афганистан – Пакистан – Индия). Теракты сыграли немалую роль в переходе контракта на его строительство к контролируемой Чейни калифорнийской компании *UNOCAL* и пр.³³.

Принятие новой Стратегической концепции НАТО с упором на «стабилизацию Афганистана» вновь актуализирует все компоненты этой «игры», включая проект ТАПИ; подписание соответствующих договоренностей, по сведениям из ряда источников, возможно, является делом ближайшего будущего.

Примечания

- ¹ Павленко В. Мифы устойчивого развития // Обозреватель–Observer. 2010. №№ 9, 10, 11, 12.
- ² Наше глобальное соседство. Доклад Комиссии по глобальному управлению и сотрудничеству. М., 1996. С. 354, 355–356, 356–357, 357–358.
- ³ Документ ООН A/59/565. С. 8.
- ⁴ Документ ООН A/59/565, пп. 59–60, С. 34; п. 274, С. 89; п. 55, С. 32; п. 56, С. 32–33; С. 13–14; п. 94, С. 42; п. 220, С. 74; п. 273, С. 89; п. 272, С. 88; п. 216, С. 73; пп. 100–103, С. 44–45; п. 33, С. 37; п. 30, С. 26; п. 275, С. 89; С. 12–13, 26; С. 16; С. 13–15; п. 87, С. 41; пп. 59–60, С. 34; п. 63, С. 35; пп. 69, 71, пп. 89–90, С. 41–42; пп. 92, 94, С. 42; п. 97, С. 43; пп. 99–100, С. 44; п. 104, С. 45; пп. 117–120, С. 49; п. 122, С. 50; п. 134, С. 52; п. 148, С. 55–56; п. 155, С. 58; п. 154, С. 5758; п. 171, С. 61; п. 180, С. 63.
- ⁵ Павленко В.Б. Мифы «устойчивого развития»: глобальное потепление или глобальный «ползучий переворот»? // Обозреватель–Observer. 2010. № 9. С. 15–16.
- ⁶ Глобалистика. Международный энциклопедический словарь / Мазур И.И., Чумаков А.Н. – ред., сост. М.–СПб.–Нью-Йорк, 2006. С. 804–805, 420, 297, 101.
- ⁷ Павленко В.Б. Мифы устойчивого развития // Обозреватель–Observer. 2010. № 12.
- ⁸ <http://www.un.org/russian/millenniumgoals>.
- ⁹ Солана Х. Трешины в Большой двадцатке // Project Syndicate (США). 2010. 10 сентября. (Опубликовано на сайте inoСМИ.Ru // <http://inosmi.ru/europe/20100910/162809959.html>).
- ¹⁰ Качиньский П.М. Почему G20 устарела? // Open Democracy (Великобритания). 2010. 13 ноября (Опубликовано на сайте inoСМИ.Ru).
- ¹¹ Бжезинский Зб. Великая шахматная доска. Господство Америки и его геостратегические императивы. М., 2002. С. 234–235, 56, 236–238, 239, 240.
- ¹² Штоль В.В. Армия нового мирового порядка. М., 2010. С. 163–216, 219–232.
- ¹³ Россия, НАТО и Афганистан: Великая игра по-крупному // thepeople'svoice.org (США). 2009. 16 декабря (Опубликовано на сайте inoСМИ.Ru); США – НАТО: в поисках общей позиции по

- Афганистану // Council on Foreign Relations (США). 2009. 13 декабря (Опубликовано на сайте inoCМИ.Ru).
- ¹⁴ Лукьянин Ф.А. Созидая «большую Европу» // Project Syndicate (США). 2010. 25 октября (Опубликовано на сайте inoCМИ.Ru // <http://inosmi.ru/europe/20101025/163823388.html>).
- ¹⁵ Никитин В.С. ЦКРК КПРФ – не меч, а щит партии. О действиях ЦКРК по защите КПРФ и мобилизации партии на достижение программных целей. Доклад на объединенном пленуме ЦК и ЦКРК КПРФ 25 июня 2008 г. // http://kprf.ru/party_live/58010.html?print.
- ¹⁶ Кургинян С.Е. Кризис и другие // Завтра. № 29. 15 июля.
- ¹⁷ Солана Х. Трешины в Большой двадцатке // Project Syndicate (США). 2010. 10 сентября (Опубликовано на сайте inoCМИ.Ru // <http://inosmi.ru/europe/20100910/162809959.html>).
- ¹⁸ Эпоха НАТО заканчивается // European Voice (Великобритания). 2010. 13 ноября (Опубликовано на сайте inoCМИ.Ru // <http://inosmi.ru/europe/20101113/164212153.html>).
- ¹⁹ США должны выйти из НАТО. Интервью бывшего офицера армии США Э. Басевича // Liberation (Франция). 2010. 25 октября (Опубликовано на сайте inoCМИ.Ru // <http://inosmi.ru/europe/20102025/163836395.html>).
- ²⁰ Павленко В.Б. Средиземноморский союз и Саркози: идеология и geopolitika // Новый раунд большой geopolitической игры: Средиземноморье и далее везде // Обозреватель–Observer. 2008. № 9. С. 6–12.
- ²¹ Павленко В.Б. Группа БРИК в глобально-управленческой стратегии англосаксонского Запада // Обозреватель–Observer. 2009. № 11. С. 24–46.
- ²² Уокер К. Блестящие политические планы НАТО сталкиваются с реальностью // Christian Science Monitor (США). 2010. 23 ноября (Опубликовано на сайте inoCМИ.Ru // <http://inosmi.ru/europe/20101123/164423856.html>).
- ²³ Чубайс А.Б. Миссия России в XXI веке // Независимая газета. 2003. 1 октября.
- ²⁴ Горбачев М.С. Путь к глобальной «перезагрузке» // The International Herald Tribune (США). 2010. 29 сентября (Опубликовано на сайте inoCМИ.Ru // <http://inosmi.ru/politic/20100929/16326200.html>).
- ²⁵ Концепция внешней политики РФ. Указ Президента РФ от 12 июля 2008 г. № Пр-1440 // www.kremlin.ru/text/docs/2008/07/204108.shtml.
- ²⁶ Архив полковника Хауса / Уткин А.И. – ред. В 2-х томах. М., 2004. Т. I. С. 23.
- ²⁷ Штоль В.В. Третий рейх и идеи мирового господства. Идеологические корни и практика фашизма // Обозреватель–Observer. 2010. № 9. С. 52–55.
- ²⁸ <http://ipubs.ru/news/1502>.
- ²⁹ Ведомости. 2010. 16 ноября.
- ³⁰ http://www.vedomosti.ru/img/newspaper/2010/22/16/249680_a_pic1.GIF.
- ³¹ Завтра. 2010. № 47. 24 ноября.
- ³² Устав ООН. Ст. 1, 2, 39, 41, 42, 45 // Антология мировой политической мысли / Семигин Г.Ю. – ред. В 5-ти томах. М., 1997. Т. V. С. 344–345, 354–355.
- ³³ Эстулин Д. Секреты Бильдербергского клуба. Минск, 2009. С. 178, 183, 184, 186–187, 223–224.